

НАКАНУНЕ ВЕЛИКИХ СОБЫТИЙ

13 апреля 1917 года.
В. И. ЛЕНИН
С ГРУППОЙ
РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ-ЭМИГРАНТОВ
В СТОКГОЛЬМЕ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

15

АВГУСТ
1965 (1917)

Год издания -
серия второй
Выходит два
раза в месяц

В залах Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в те юные дни было особенно оживленно. Посетители подолгу задерживались возле уникальных экспонатов советско-шведской выставки исторических документов и произведений искусства. Наши гости привлекли многочисленные свидетельства дружбы: старинные словари и трактаты, грамоты шведских королей, подлинники письма Пушкина, Ломоносова и Л. Толстого, замечательные образцы народного творчества. Но, конечно, в центре всеобщего внимания были материалы, связанные с именем Ленина, которому не раз, как известно, доводилось бывать в шведской столице. С волнением гляделись посетители на драгоценные реликвии прошлого: редкие фотографии, исторические документы, письма, написанные рукой Ильича...

В 1910 году Владимир Ильич в последний раз виделся с матерью, специально приехавшей в Стокгольм повидаться с сыном. Об этой встрече напоминает ленинское письмо и открытка от 4 сентября, которую мы воспроизводим здесь. «Дорогая мамочка! — пишет В. И. Ленин. — Посылю тебе и Анноте горячий привет из Копенгагена. Конгресс закончился вчера [речь идет о VIII конгрессе II Интернационала, состоявшемся 28 авг. — 3 сент. (10—16 сент. 1910 г.) — РЕД.]. С Маншей списался вполне: 4 сентября по ст. стило, т. е. 17/IX по новому, жду вас в Стокгольме на пристани. Две комнаты на неделю

17—24/IX мне найдет в Стокгольме товарищ. Мой здешний адрес есть у Манши. В Стокгольм писать мне Nr Ullanol. Poste restante.

Крепко обнимаю. До скорого свидания.
Здесь пробуду до 15/IX 1910.

Твой В. У.»

Из воспоминаний Надежды Константиновны Крупской мы знаем, как томился в эмиграции Ленин, узнав о том, что в России началась революция. Мыслили они был уже в Петрограде. И хозяин квартиры, салонник Каммерер, искренне сокрушался, просясь с полюбившимся ему трудолюбивым жильцом. Удается ли тому найти комнату в далеком Петрограде!

А несколько лет спустя, уже в качестве главы Советского правительства, Ленин подписал официальный документ, скрепленный государственной печатью и подписью наркома иностранных дел Г. В. Чичерина, о назначении в Швецию полномочным представителем РСФСР Платона Михайловича Керженцева. «Ввиду этого», — говорится в документе, — Совет Народных Комиссаров приглашает всех и каждого, кому о том ведашь надлежит, признавать его в этом звании, а подлежащие власти оказывать ему зависящее содействие при исполнении возложенных на него обязанностей...»

Под широко известной фотографией В. И. Ленина — его дружеский автограф на немецком языке. Шведский журналист Отто Гримlund, тот

кому адресована эта надпись, во время первой мировой войны был левым социал-демократом интернационалистом. В апреле 1917 года он принимал участие во встрече Владимира Ильича в Стокгольме, позднее участвовал в работе I конгресса Коминтерна, в 1920 году в качестве гостя от Коммунистической партии Швеции присутствовал на IX съезде РКП [6]. А два года назад, в 1953 году, в семидесятилетнем возрасте О. Гримlund вновь посетил СССР. «Ленин был не из тех... — вспоминал старый журналист о своей первой встрече с Ильичем, на пути в Стокгольм в 1917 году... кому обязательно нужна была большая аудитория, чтобы развить свои мысли. Он считал, что молодому журналисту из маленькой Швеции также нужно изложить свои взгляды на политическое положение в мире. Он очертил в эти ночные часы программу действия большевиков, которую несколько дней спустя должен был обнародовать, выйдя из поезда на Финляндском вокзале в Петрограде. «Всю власть в руки рабочих Советов. Мир — народу! Землю — крестьянам!»

Подолгу задерживались посетители выставки перед снимком, запечатлешившим Ленина 13 апреля 1917 года, когда он после долгих лет эмиграции прибыл в шведскую столицу на пути в Россию, озабоченно раздумывающим о предстоящих революционных событиях. С помощью левых социалистов и в особенности секретаря швейцарской социалистической партии Фрица Платена после длительного ожидания удалось наконец

получить пропуск на проезд через Германию. Вместе с Лениным и Крупской выехали 32 эмигранта, в том числе 19 большевиков, и среди них Инесса Арман, Михаил Цехмак, Григорий Успенский, Елена Кош, Михаил Горбман и другие. Ленин и его спутники были в Стокгольме тепло встречены не только большевиками-эмигрантами, но и шведскими левыми социалистами. Ленин прибыл утром и остановился в существующей и поныне гостинице «Реган». В этот же день он организует заграничное бюро ЦК РСДРП, участвует в совещании со шведскими товарищами, присутствует на банкете, устроенном шведами в честь прибывших политэмигрантов. Его уговаривают остаться в Стокгольме еще на несколько дней, но он всею сердцем рвется на родину. Один из старейших деятелей шведского рабочего движения, Хуго Силлен, и прочие живущий в Стокгольме, вспоминает: «...В семь часов вечера мы провожали Ленина на вокзал. Здесь уже собралось около ста человек, у многих в руках были букеты живых цветов... Как только поезд тронулся, шведы провозгласили здравствуй в честь грядущей революции на востоке.»

В тот день в Петроград из шведской столицы по телеграфам проведено ушло короткое сообщение: «Приезжает понедельник ночью. Сообщите «Пролетару» Ульянову.»

Началась новая глава в истории России, в истории всего человечества.

С. БУРДЯНСКИЙ

Ужаснейшее

Домой иду я через Ленинский свейр. Пройдя по песчаным дорожкам, над которыми автан крепко залязл за руки, и миновав короткий мостик, можно попасть в маленькую Венецию.

Внизу мелкая зеленая речонка — соборной канал. Она светится цисковки, как радуга, напоминая ее по форме. Да когда радуги встречается с Цинским каналом, опоясывая пыльную ладонь острова. Остров — ровесник каналов, и единственное здание на нем — церковь. В любом среднерусском городке встречается такую церковь, а старожилы помнят и другую — древнюю белоснежную красавицу, стоявшую напротив острова до войны. Когда мне было шесть-семь лет, я слышал захватывающие рассказы пацанов постарше о таинственных подземельях, нудички в подалы разрушенной церкви. Там эти игерои видели якобы оружие, покрытое зеленой ржавчиной, толстые книги с неровными пергаментными листами... Я и теперь не расстаюсь с паявтыю об эти воднозвонных легендах, хотя наверняка знаю, что подвалы нудило засыпаны землей. А может, их и вовсе не было...

Я иду по двеному городу, здороваюсь через два с половиной шага. Маленький он, мой город. Потому и знаю я почти каждого земляка-саерстника. Кивает мне издалека баскетбольного роста парень. Подожди ближе, он сунет мне руку, обязательно спросит: «Как живешь?» (такое неписаный закон внимания). И побредет дальше, оставляя рубчатые следы на теплом асфальте. Его походка подчеркнуто тяжелая, чтобы все видели рабочую усталость...

С Сашкой мы учились раньше вместе. На завод он пошел год назад и поэтому еще бывает редким одноклассником, когда мы дважды в неделю приходим в егои цех на практику.

В обеденный перерыв поговорить о многом не удается. Да и Сашкина позиция в этих разговорах постепенно становится более уваженной: она с какки-то пор считает нас людьми менее взрослыми, чем он, наш ровесник. Мы еще только школьники «сагалы» для него. Поэтому о делах школьных речь почти не заходит: лишь иногда расскажет с усмешкой Сашка, как проглатывает уроки в ШРМ...

Странно, но как-то огромная и вместе с тем неуловимая перемена произошла в Сашке за этот год! Мы ему теперь не друзья.

Я ощущаю это почти с болью, а потому и пишу эту статью.

— Сашок, ужи на плите, я пошла! — Хлопящая дверь отрубает последние слова матери. С минуты еще Сашка валется на бок. Потом спрыгивает с дивана.

«Поборенчик мелочливый!» — саркастически думает он. Денег немного. Мать строго следит за его зарплатой, да он и не пытается утаивать деньги от матери. Все равно даст на «мелкие расходы». Блестящая монетка соскальзывает с ладони и катится по полу. Длинный Сашка нагибается нехотя и в поисках ее натывается на брошенный под кровать убийчик. ИФУ, ШРМ... — оживляется он. А впрочем, не стоит портить себе настроение. Тем более парни уже наверняка на углу.

Выйдя из подъезда, сырого и темного, как горный тоннель, он зачем-то останавливается: мать,

уходя в ночную, всегда просит «не брэдять» вечером по городу, и Сашка кивает, что теперь улица за ним шлюнцот.

На сером заборчике ребятишки, напоминающие значки на нотном стане, играют в испорченный телефон. Этой же игрой увлечены бабки, живящие плотно скамейки напротив.

Сашка знает: теперь все вокруг направлено на него.

— Сашка-то Надеждин пошел...

Слова, как мячики, отскакивают от спины.

— А что ему, пока ноги носат!

— И не говори. Я помню, мать глаз да глаз надо мной имела. Худа не желала...

Сашка перестает вслушиваться в телефонные разговоры, потому что план их известен ему давно. Еще несколько шагов — и поворот на двено-сто градусов.

Парни действительно на углу. Трудно определить, кто и кого они ждут. ОИ Десятки таких, как он!

О, да среди них Морж! Сашка знает, что он недавно не стодил. Это придает ему необычайный вес в этой компании. Сашка подходит к Моржу (прозванному так за «сагодности» с Робурью, но тот добродушно дает «сагалу» по плечу и снисходительно произносит:

— Хлопа тебе на бейб...

Хлопая белоснежными ресницами, Сашка торопливо высказывает рубль. Скоро по кругу расписываются бутылки. Одна, вторая... Сашка весело наблюдает, как морщится от спиртного Петька, «котличнички» (иной одноклассник); — смеет добавить автор). Сашка знает, что пришло Петьку в их компанию «бонса, что морду буда бить», — усмехается Сашка, — а в школе по высоким матерям, небось, кроет...»

«Мы чти уголовный кодекс!» — любит кричать Морж словами Остапа Бендера. Противозаконного ничего и нет. Задирают девчонки («Кадришка — во!»), хамат старшим («Но-но, папаша, не греми котликам...»). Считают себя джентльменами. Ведь они делают все, что полагается «настоящим» мужчинам: курят, пьют, ругаются и даже... держатся независимо. И напротив попойной человек, оскорбленный этой компаней, будет доказывать, что их понатыа о дружбе, мужской независимости ложны, что он «в их годы» стоял в строю борцов за великое дело. Для «коды» все это «высокие слова», азывающие лишь новым припрут надевателств.

Что же касается девчонки, которых они задирают... Встречаются разные. Одна, бросив недодушный взгляд, поспешно переходит на другую сторону. Другая улыбається: несты, когда сразу столько парней обращают на нее внимание, пусть даже а столь «непритязательной» форме.

Странно, но никто в одиночку не посыл бить оскорбить на улице человека. В «коды» это можно, потому что их много вместе.

И это уже страшно — много вместе. Потому, что «Иван кивает на Петра, никто не думает нести личной ответственности за поступки, совершаемые в обложке хмельного.

«Много вместе» — это считается силой. Значит, вившись в горад на танцы, они могут побить за вившей, куда дружокники не глядят, безобидного парня. Бьют за то, что он один. Бьют мощно, эффектно, рассчитывая повторить койбосью-гангстерские приемы «великопленных» семорек.

Сашка где-то читал, что кровавая месть на Корские мнимутся «вадетями». И он уверен, что акт этой самой «вадетии» состоится здесь же на танцах в следующую субботу. Потому что парня, который пострадал, оказывается совсем не один. Он тоже из «коды», но только из другого района города...

С некоторых пор мы ходим по вечерним улицам группами, потому что любой «одиночка» неждает внезапно стать жертвой «коды».

Мой одноклассник Олег — домосед. Поэтому, когда он появился на вечер в Доме пионеров, «коды» сразу обратили на него внимание. Им нужен был «предлог». «Предлогом» стала девчонка, с которой, увлекшись, Олег станцевал раза три подряд.

Мы медленно продвигались в толпе к выходу. На улице Олега «потеряли». Тщетно вертел головой длинный Сергей: Олега не было. Мы поняли, что это значит. Не глядя друг на друга, ринулись за угол.

Они устроили Олегу «качку», сгрудившись в тесный круг. В таком случае сопротивление девчонки своего «сильного» и сильного бесполезно.

Мы разорвали этот круг, и Сергей сильным жестом повернул руку Моржа, пытавшегося нагнать очередной удар.

— Сергей Ты! Ты не посмешь... ты... ты знаешь... — крикнул орал Морж.

— Ты... Проваливай, дельца! — Сергей угрожающе двинулся на него. И здесь мы впервые тесно оценили «прославленное» могущество «коды»: никто из них не тронулся с места, чтобы помочь Моржу.

— Ну ладно, — почернул Морж, — мы с тобой поговорим еще.

— Поговорим... на работе! — кричал его Сергей.

— Пошли! — крикнул Морж компань.

Мы приотворили а любую минуту ответить кулаком на кулак. Но «коды» ретировались без шума.

Сергей — мой товарищ, бывший, как и Сашка, одноклассник. Это парня, которого уважают парни во всех уголках города. Сергей — борщик, чейный объект, потому все знают, что не стоит связываться с могучей силой, вооруженной техническими приемами.

Последняя фраза, которой Сергей кричал Моржа, поясняется совсем просто: Морж, этот парень «коды», работает на том же предприятии, где и Сергей.

Честное слово, я горжусь своим товарищем Сергеем, не поддающимся на провокации «кодырей», откровенно, как и мы, презириующий дешевые «развлекатель» улицы. И, поверьте, совсем нехотко быть самим собой всюду — на улице и на работе, если окружают тебя нередко парни, подобные Моржу.

Я думаю обо всем этом, а перед моими глазами стоит Сашка. Сашка — бывший наш одноклассник и друг, считающийся теперь товарищамми тех, у кого за лавукой не четкие мысли и представления о жизни, а пустые бутылки.

Недавно я шел вечером один по безлюдному Ленинградскому шоссе, когда внезапно от домов отделились черные силуэты направляющихся ко мне парней. Я не тряс, но уже почти физи-

чески ощутил на себе резкие удары, когда великодушная тройка перевернулась со мной.

— А-а, это ты!..

Я пригласился.

— Добрый вечер, Сашка!

— А мы уже было... как-то странно засмеялись, прозвонил его напарник.

— Ну ладно, давай, давай... неопределенно повертая плечами Сашка.

Мы разинувшись, что до меня ему сказать: «Саша, ну хулишь вечером на улицах?» Подумавшись, наставник наелся! А может быть, а все же несправедливо, надо было сейчас пойти к нему, разговаривая по душам, сопереживать, как вместе учились! Остановить от очередной бессмысленной драки!

Да что я, в конце концов, пацанья душой?! Сотни вопросов заставят меня, а потом выплывет один: «Ну же! я попросту струил, может быть, а уже боюсь Сашку?»

— Ха-ха, парни, теперь живей!—говорил Морж обступившему его дружином.—Рыжый-то теперь дружинок!

— Все засмеялись.

— Ша, ребята, сегодня в гораду играет Моцарт. Лезем!

— Лезем,—подсочил Петяка.

— Но так,—продолжал Морж,—чтобы без шума. Перезаехали через забор поодиночке. Встречаем Рыжого. Ага, ты, друг, дружинок! Пойдем сюда, подекури,

пока все наши ребята перелезут.

— Все засмеялись снова, а Сашка хмуро спросил: — Это чья идея, чтобы Рыжый в дружино подался?

— Морж,—не без гордости ответил Морж,—плюю что ли свою руку в дружино мметы!

Я не мог быть свидетелем этого разговора. Но, возможно, он выглядел именно так. Во всяком случае, я знаю, что в некоторых дружинах «блосоты» общественного порядка стали строить, подобные Рыжову. Об этом говорили мы с ребятами и на Всесоюзном сборе комсомольцев-школьников в лагере «Орленок», где я побывал минушим летом. Мы, члены городских штабов и секретари комсомольских организаций, дружно пришли к выводу, что бывает «засорение дружин». Как ни странно, но общественный порядок иногда нарушают парни с красивым поведением на руках. Это перебежчики из «коды», предавшие свой закон хулиганским действиям «официальных» лоск.

Что делать, что противопоставим мы, комсомольцы, улице? Не секрет, что о «эмалочках» из подполья говорим мы много, но мало бессильны против них.

Тебя была «коды», мой ровесник, читатель мой, если статья! Скажи честно: «Да. Ну что же, ты стал спешно заниматься гантели гимнастикой, сплести тяжестя — нарваться мускулы. И из школы по вечерам ходить только с друзьями, верными и смелыми. И, наконец, у вас была стачка с пьянымими мальчишками. И, наконец, она, стачка залоуба, оставил вас в покое».

Но напрашивается вопрос: это ли выход из положения? Разве задача комсомольца только в том, чтобы оберегать себя от них? Прошу не понаблюдать меня превратно, но в смысле-то, где-то надо

сблизиться с «коды», сблизиться по-хорошему, не зарываться во влияние и не навязывая своего. Хота бы спорт. На в нам ли персональная обиды топка?

Контакт с «коды» необходим. Иначе наша двенадцать «дружина» война с ними грозит оборваться с «коды». Вся наша работа в городской комсомольской штабе старших комсомольцев — только функция, если мы постепенно уступим «коды» своих товарищей.

Ну же! так мало у нас романтики в жизни, если улица псевдоромантика зазывает ребят!

Недавно в нашем классе было комсомольское собрание. На повестке дня стоял один вопрос — поступок комсомольца Виктора Ф. Из мемуаров прислали бумагу: «Член вашей комсомольской группы стал участником хулиганских действий в общественном месте».

Он стоял перед нами и со смущенной улыбкой говорил о происшедшем:

— Вот, значит, парня с нашей улицы побили ирешно. Ну, а мы что ж, восторгаться будем этим? Мы, конечно, в театре на танцах эту компанию увидели через пару дней, ну и подрались. Кто ж виноват, что у нас, ребята, пьяным оказался и нож а дело пусти! Ну, порезал, и то неглубоко — пальто и костюм...

— И ты смотрел спокойно на это? — А что ж! Твой дружка дерется, а ты быстрый ударила домой, от греха подальше! Так, что ли? Трудно, очень трудно разубедить Витку! Он ведь искренне верит в справедливость «места» за товарища. И то, что один оказался с ножом,— несмешная случайность. А так все правильно. Хулиганство не так. Просто за своего товарища рассчитались сполна.

И особенно поразило меня в Витке вот что — поза превосходства. Вот вы, мол, твердите здесь о комсомольской совести, чести и настоящих деле, а мы, ребята с улицы, выше вас — не каждый сможет кулаками вернуть честь своему товарищу. Что? Это средневековой метод! Ничего подобного — это по-человечески...

Я верю, что Витку мы еще не прогнали. Но бой за него с «коды» — как ни странно, должен быть мирным. Эта же компания ребят, если не исключит двух-трех любителей поножовщии, может стать настоящим, крепким, боевым коллективом, способным на дела нужные и интересные. Ведь энергия и эти ребята предосторожно.

Невозможно принять «коды» понятия истинного долга, настоящего подвига — это задание каждого комсомольца, который собрался в поход против уличного бескультурья.

Я думаю о работе нашего штаба старших комсомольцев. Всегда ли нужно нам устраивать большие общегородские вечера, КВН, диспуты? Разговор о ценностях человеческой культуры всегда ладится в небольшой группе ребят, людей, которых связывает многолетнее знакомство, товарищество, дружба. Такой вывод а могу смело сделать из опыта работы дружины комсомольцев, с которыми встретился я в лагере «Орленок». На наш «орлянский» вечер а инцидаторов возмущения школа и улицы должен стать прежде всего школьный «Комсомольский проектор».

В начале этого года ребята из «Орленка», участники зимнего сбора, приехали в одну из ма-

ковских школ. Много интересного о своей жизни рассказали нам тамошние комсомольцы, даже были показали о славных школьных традициях. Но зашла речь о «Комсомольском проекторе», и выяснилось, что в школе «КП» стал обычной сатирической газетой, в которой повествуется о нерядовых учениках, violating догмы и нарушающих порядок на переменах. Когда «орляты» напомнили, что «КП» должен осветить не только школьные коридоры, но и цеха существующего предприятия и темные улочки, окружающие школу, секретарь комсомольской организации заметил: «Фотус улича приходит к нам, «ожидание в народ» устарело».

Понимаете, дружки, инициативы на сближение со стороны улицы не будет! Мы, школьные комсомольцы, должны выйти на темные вечерние улочки с ярким лучом «КП», посмотреть, кто из наших товарищей по классу, забросил все на свете, торопится после школы с рублем на угол.

Хочу подчеркнуть свою главную мысль еще раз: надо найти общие дела для нас и улицы. Пусть мое мнение звучит парадоксально, но давно пора войти с улицей в равновесие на мирной стезе. Образованная клинка фронта должна пройти через сердца.

Если откровенно, я не знаю, каковы должны быть первые практические дела. Постому и спрашиваю у вас комсомольцев: расскажите, что вы делаете или думаете делать у себя, в своих маленьких городках, на улицах которых по вечерам неспокойно. Попробуем из множества предложений форм отобрать самое верное, потому что мимолетный лагерь не даст результатов творчества. Бывальными стали слова о том, что работа в комсомоле должна быть творческой, но тем не менее творчество нам до сих пор не хватало. А потому жизнь наших ровесников застывает зимой раз волны шум и равнодушия, которые становятся ступеньками к хулиганству.

Давайте же творчески подойдем к тому, как «облагородить» улицу, как поставить пугало «коды» в ряд обычных и даже красивых слов.

Давайте подумаем, может, и для производственников необходимо городской комсомольский штаб — боевой орган горкома, работающий в контакте с нашим штабом школьников. Ведь нет никакой китайской стены между улицей и школой, улицей и производством.

Одним словом, речь о том, чтобы все наши ровесники стали надежными хозяевами своего маленького города.

Прочел я как-то хорошие строчки Свetalаны Беевсей:

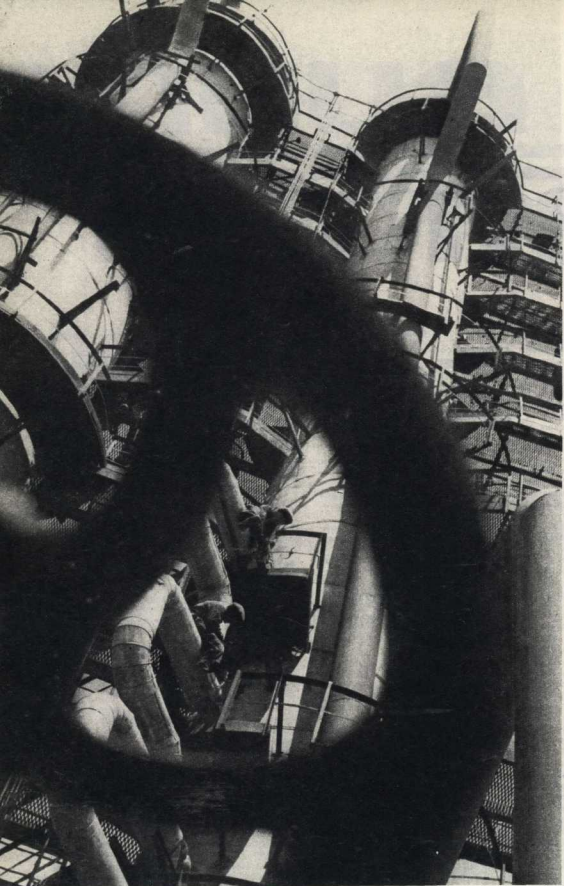
Провинция заманчива.

Как чуть заросший сад...—

И (да простит меня автор) понял это несконпятично. Она, конечно же, заманчива, эта провинция и шумная родная земля. Но не хочется, чтобы была она заросшим садом. Садом, в котором развелась злая сорная трава — равнодушие.

Я убежден, что проблема улицы, о которой я поделился своими мыслями, существует не только у нас, комсомольцев маленьких городков, на улицах которых люди черз да с половинкой шага здороваются друг с другом.

г. Вышний Волочек.

СУМГАИТ МОЯ

ОДОИ

Р. ШЕЙКО

Фото А. ЛЕХМУСА

И

з Вакв в Сумгаит можно приехать по-разному: можно на электричке, можно на автобусе, а можно на маршрутном такси. Конечная остановка обозначена элегантношим навесом в виде выгнутого крыла, под которым ютится тень и пассажиры: напротив — ресторан «Апшерон», сплошь стеклянный, проглядный, официантки в белых кристалльных напольках разносят питья с шафраном, шашлык и чай в традиционных маленьких ставничках, похожих на мочушки. Вокруг, куда ни

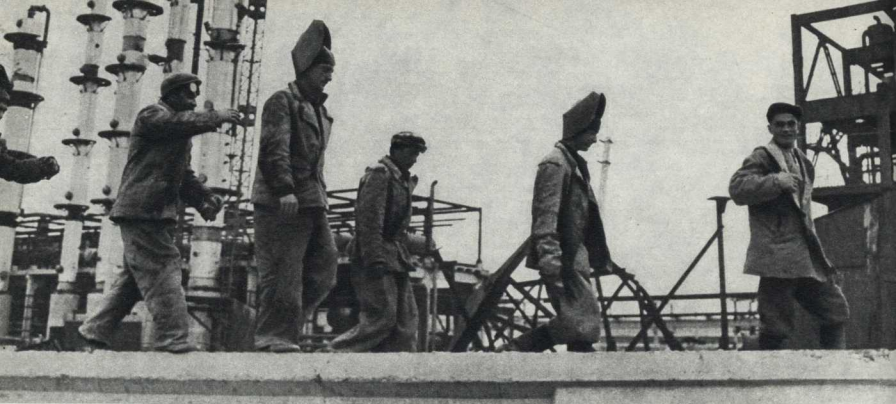
глянешь, новые корпуса с балконами на безупречно прямых асфальтированных улицах, магазины с зеркальными витринами, в витринах — стиральные машины, мебель, радиоприемники, косметика.

Пахнет цветами и свежей солью Нахия. Много деревьев: акация, явва, каштаны. Много детей. Сумгаит делит с Вратском первое-второе место по рождаемости в Советском Союзе.

Женщины развешивают белье на балконах. Яркий ветер вздымает им подошвы. Велье по-лебединому трещит крыльями. Городская идиллия...

«Нефтехим» могуче восходит в небо дымами, колоннами, трубами.

Вот он, рабочий человек, Шириев Гариб Хосров-оглы!

Бригада у Гариба—интернационал. Гена Сандиряко—чуваш, Мелик Багиров—азербайджанец, Амбарцум Данилян—армянин, Ширин Джумшудов—тамыш.

И не верится, что это молодой город мощной индустрии, второй после Баку промышленный багцион Азербайджана. Мудрые проектировщики Сумгаита привнесли всю эту индустрию за город, и там, в стороне, она уютно восходит в небо дымами, колоннами, трубами. Там ее заводы: трубопрокатный, алюминиевый, синтетического научная, стеновая — и страшнейший гигант «Нефтехим» — всеоснащая удруная комсомольская стройка.

Каждый день в горном комсомоле приезают новички. Это демобилизованные солдаты, это материе строители, это конише-

митинги, это девушки без специальности, но с наивными и восторженными вображениями. Их встречает второй секретарь горкома комсомола Вася Вочков. У него худое, узкое лицо, с которого не сходит возмужалое выражение. Бродит бы он и не рад, что так рвется к нему молодежь со всего Союза. На самом деле Вася просто очень добр. С утра до ночи он занят устройством приезжих. И если что-то не сразу получается и какой-то девчонке надо спать, он отдает ей ключ от своей хозяйской квартиры, а сам ночует у приятеля. Иногда у него живут недели по две, по три. До первой

зарплата, до получения money в общешитеи... И все эти люди приезают в Сумгаит, чтобы работать на «Нефтехиме».

Масштаб этого гиганта — 32 квадратных километра, в двадцать раз больше индустрии Монако. Когда вы ходите по земле, разрытой, строящейся, перевитой трубами и проволокой, эти масштабы воспринимаются лишь уставшими ногами. Чтобы понять размах комбина, надо глянуть на него с высоты, с пятидесятишестиметровой высоты, которую подняла бригада монтажников Юрия Маура, и тогда вы обнимете его целиком — со всеми его грядничинами,

серебристыми ренгифинационными колоннами, сквозными этажерками новых производственных корпусов, — и вы испытаете восторг и гордость за людей, которые построили все это на пустом месте.

Пять лет назад тут были бродичные пески, позалили амен — рос старчески бесплодный виноградник. Касний тогда был ничем не заслонен и больно выжмывался в оном по всей своей синей и древней протяженности.

Гариб Ширин застал и песни и диний виноградник, потому что, когда он приехал сюда в сорок восьмом году, не было не только «Нефтехима», но и самого го-

рода Сумгаита. Из всей индустрии была тут лишь первая ТЭЦ, построенная еще до войны, в из земля — оди общешитеи, в каждой комнате которого сорор дум.

Такая теснота после родного дома, — говорит Гариб. — Такая теснота... И правда, тесно после дома, душнотого, как тесноты, высланного полонинами, конрами, полотенцами, где огромные пиллы, уступила правдичную пестроту, стояли на полях вдоль стен. Ты сохлал с родного крыльца и шел по земле, похойной гай рай, и певучая долина лепалась у тебя на плече. Ты был буйвоноп, ел лаваш с

Николай ПАНЧЕНКО

МАШИНОЙ — В ГЛУБИНКУ

Вокруг — темно, как под землей. Шоссе покачивает свет, шоссе — чешуйчатый змей, шоссе — извилистой змеей, конца ей нет и нет.

То теснота, то стога тень, то лес и лес — со всех сторон, то гулху уснувших деревьев, мерцающие запертых окон. Вокруг — ни звука, ни духи. Лишь редко — лай в ночной тиши.

Еще поземкой на дым встает зима, дымяте хаты, но в done росыте дубы снимают рыжие бушлаты. И за горой по мерзлым трактам еще с утра, еще вчере прохли весны бесспорным фантом по черным трактам трактора.

Все больше верю в силу слов. И ты была права, И, может, только на ослон не действуют слова. А эта топь — цыплячий дым распушенных раки, — пона мы рядом говорим, заслушавшись, молчит. У каждой ветки свой расчет — впитать твое слова. Молчит цветок и не расцвет, задунылась трава. И так от века, так всегда — и час и год подрадь. Не ты смолкнешь, и тогда деревья говорят.

На камнях-перекатах речка Ячеша бежит, на крупацх золотую попоцет зарю. Речка Ячеша.

Бор. Журналь над колодедем. Я в далеке детство смотрю. Что я вижу там! Вам не увидеть. Отец мой — вот сидит на траве, колукает березовой пень. — Что ты делаешь! — Я! Ничего, — отвечаю, — что выждет: может, морда оленя, может, целый олень...

Отвернется от дела и смотрит, чуть двигает бровью. Взгляд его перехватить и входить на миг в вошество: ошмает пень, превращается в девичий профиль и тихонько поет под задумчивым взглядом его.

Я ли, он ли во мне мир глазами волшебным видит, колдовскими ушам различает, как бродит весна. Что ты делаешь! — Я! Ничего, — отвечаю, — что выждет: что расскмет травя, что нащепет ветвям сосна...

сыром и, как वह благоуханный, пил воздух, настоянный на цветах айва. Широкий лавра Благовородного. О Лениноры!

— Сумгаите, среди гоной земли, ты работал южвалдой и допотоп, а потом палал в горушку дубинами мальчишескими силами. Плывал дена и ночь целой год, пона не привны. Галие эти мальчишки в ете горах, Сафай и Мелай, что-нибудь понимают в наушине, трауаде? Как живут пацаны, которые вчера приехали из деревня, а сегодня учатся в городском профессионально-техническом училище № 177 у них спалныи численныи, как в армии, а столовая, как рестораны, постри, нафедь, небель модери. Люди с высшим образованием делают из этих пацанов штукатур, маллоров, плотничков, арматурищиков. При такой жизни профессором можно стать, честное слово!

Конечно, сами понимаете. Шпринева Гарри Хорсов-оглы тогда только пацаны. Он выучился всему, что мог ему дать школа. Но когда начал толк в разнорабочих ремеслах, стал и свращином, и сварщиком, и котельником. Но когда его профессия стала высотный монтаж. Много ли времени прошло, мало ли — научился он работать на птичьей высоте, наряд конструктор в самом себе, и он не умеет даже говорить, покачывая голову. Только знаешь, мастер! И нуждаться в нем стал не один лишь Сумгаит, но и другие города: и Тбилиси, и Ростов, и Краснодар, и Руктав, а в Бельгии поставил телевизионную мачту с антенной в триста метров высотой!

Тогда он был еще не жених, но у него водилось много, он ходил в рестораны и бары, коровничал, пил вино. И, слушая, горделиво думал, каким значительным человеком становится на ступе из Лениноры. И вот однажды в гостях «Нефтехим» и понаехала сюда молодежь, у которой за душой ничего не было, кроме сильных рук, руководящие това-

рищи снавали Гарри так ты у нас профессор, учи деду. Дали ему кабинет, дали оборудование, пригласили учителей.

— Ко мне люди не за краснотой, горделиво говорит Гарри. — Я, как видите, от красоты не погубно. Но мне люди идут, потому что я их учу, — значительно возглаголет после долгого молчания. Уж тамая у Гарри бамера говорит.

Ветры, милогода ли, я вынимаю чертежи, схемы и учу.

— Да, он такой, на пайросу время не меннет! — согласно вторит его ученики. — Сергетов своих не прачет, нам другие.

— Я вам так скажу, — торжественно поднимет палец Гарри. — У меня есть много учеников, я встречаю их на всех должностях. Полагается человек — мой ученик, вот как я вам скажу! И бригада моя тоже мной доволна.

У Гарри бригада — интернационал. Там будет Фуад Ком — чужак, Мелин Багиров — азербайджанец, Амарбарум Давидян — армянин, Ширин Джумшудов — таджик. Они все начинали прямо с нуля. Ни специальности, ни семьи — ничего. И Тена, и Шария, и Амарбарум пришли на комбинат после армии. Кто жедало ко-пало, его такучу с камнями стали влетросварщиками верхолазов-монтажником. И при этом он студент инсти-тута нефтехимии имени Ализадеова.

Растет человек и комбинат, и соразмерно с ним растут люди на всех должностях. Директор «Нефтехим» Рева Агасян пишет докторскую диссертацию. Амарбарум еще совсем недавно он работа на нефтепереработном заводе комсомольском опера-тора.

Музафар Непомнящих — человек, который застал еще начинающий комбината уна-внять комсомол. О его зна-менитых «молодичи» ходит легенда. Музафар был на «Нефтехиме» начальником комсомольского штаба на

правах инструктора ЦК, а теперь пошел на повышение в горном партии, по-ступил учиться в универси-тет. Но тогда он работал на комбинат, к нему по-прежнему бегут с тысячей вопросов, так-то злобленна в таково: этому ведьте жить! «Музафар, приходи, давай на написать планы!»; «Музафар, мое предложение за-висает в бригае, поддержи!»; «Музафар, когда ты опреде-лишь моего ребенка в ас-пект».

Вечер исходит на Сумгаит.

Если поглядеть на город с моря, один делвет вытаски и платно, золотое неогладное поджурение. Выше его одной плывут мессонные росла-мы, выше реками висят звезды, уже аляганские и альмазные и огромные.

Можно пойти в кино. Можно в молдоване. Се-Гедоля там вечер горкома комсомола. Там будет Фуад Новрузов, первый секретарь. Он еще очень молод, Фуад. Ему семнадцать будет. Он пишет диссертацию по экономике, считае это политри-ческим, более перцентизмам, чреватым великими открытиями, как ядерная физика и биология. Своих ребят в горном, своей жизни и современными таким меди-цин и тивист. «Если уж хочешь критиковать, то по крайней мере сначала надо знать!»

И он говорит: главный принцип выдвижения комсомольских работников — ин-теллект. Дурака нельзя под-пускать и комсомолу на вер-стаке втяга, а на комсомо-ле и антигуманно. Если на-встрелю он идет в молдов-ной твист. Сумгаит — Научно-исследовательский ин-ститут автоматизации, где работает «глеяда замеча-тельных умниц». Его планы масштабы. Молодость и дерзость нило в них. И в Сумгаите никто специально по-бывать ради Фуада Новрузова, чтобы написать о нем.

Но вечер в Сумгаите длит-ся долго. Можно пойти во Дворец культуры. Кстати, если там

Всему задают тон в молодом Сумгаите ребята из горкома комсомола.

что-либо устраивает комсомола, то молодежи ломится туда, ни у нас в Мос-кве, пожалуй, лишь на вы-ступления самых звездных поэтов. Можно попасть на концерт.

Но ни в какие обществен-ные заведения мы не пойд-ем. А пойдем в гости к Га-рибу Шпринева. Мы увидим его таким, каким не бывает ни на «Нефтехиме», ни ветру и под солнцем. Мы увидим его дом, его молодую краси-вую жену и трех его ма-леньких сыновей. Они будут финскими, говорит Гарри. И еще он говорит так: да, его молодая бригада учится в институте и техникуме, одевается по моде — в мо-дисты и ботинки, и вы, что-то доросло, подумайте, что со временем эти парни пре-взойдут его. Шпринева Гари-

ба Хорсов-оглы. Но у него есть талант, есть сила в руках и голове!

Шпринева ходит по комнате серебрянкой переступной, подает нам то зелень, то шампань, то вино, пока ее муж хвастает своими успеха-ми, и улыбается загадочно и светло.

И тогда вновь сильнее шумит в голове. Гарри кричит своему брату, приехавшему погостить, чтобы он передал всем друзьям и знакомым там, в райской Лениноры, что в Гарри рабочий человек, высоко почитаем в жизни. Даже сам ЦК комсомола выдвинул его бригаду на стальных заводах, как самым большим-большим золотым буксиром! — в Летонис Славных Дес...

ОХОТНИКИ И РЫБЛОВЫ

Как тысячи лет назад, по лесам и лесным болотам идут мужчины с оружием.

Они обходят трясину. Они обходят друг друга. Они избегают женщин.

Они по опыту знают: уходит в женщину сила, как реки уходит в лесок.

Пока они всех обходят, и как их обходят могги, обступные милодо, как дуб — изолоду морю. Охотник Сапог — потуже! И в путь — до седьмого колена. В безлюдном краю, где гроб. И сам тебе черт не бран!

Идут мужчины с оружием по лесам и лесным болотам, как в жарком тропике, как тысяч лет назад.

Не то — рыболов неселый, что ловит с горного места. Он заглядывает в ведерко к соседу и спрашивает: «Клюнет»

НОЧЬ В ДЕРЕВНЕ

Ночь — потом.

А сначала был рыжий и желтый вечер: беглые молнии клинки, по-над лесом огни башлыков, ползали задыхало под взвиренной буркой овечьей арматурных, книжек, горячих, сухих облаков.

Пыль ходила столбом: гнали стадо за степом. Гром ворчал. Коровники топтались.

Это — вечер... А ночь догнала нас за злымным садом

на стеклянной вораде, в стаканах — васселус первача.

Шаткой столик хромал и свалился на наши колени. Плыли руки, как рыбины. Губы — тупились к теплу.

Гром на крыше уснул. Дюдь промился в алам. Звезды шум пчелиным прилипли к стеклу.

Звезды слушали джину, джину, джину, сказку про московских девчонку и горбух лесных мужиков. Это — ночь.

А дым поднял солнца позаручу наскру над холмом, где всяк зверь мелкий огин башлыком.

Брому по лугу, в горы лезу, срываюсь вниз, взрываю снег. Но стая, как виолончель, у леса, как зерь, как древний человек.

А лес молчит, навесив крышу, дурманит запахом смола. И бьет по сердцу солнцем рыбки замедленные стола.

И, нет, не страх — иная сила в лесном безразделье рыбки: леза на ливе останавлива его иная красота.

С небойшей старинной фотографии смотрит девушка с толстой носой, с ширококостым, широкоглазым и большепортным лицом. Это мама сестра Айша. С ее именем связана печальная история, которую я слышал много раз. Иногда, когда кто-нибудь из близких рассказывал о ней, я вглядывался в эту фотографию, стараясь уловить в ее чертах то обаяние, которое все они помнили, но, кроме обычного выражения грусти, свойственного смышленым умершим людям, я ничего не находил в ее лице.

Я даже думаю, что если бы не эти огромные темнеющие глаза, она, может, казалась бы уродликой, настолько черты ее лица были явно неправильны. Но когда на лице такие громадные глаза, все остальные черты делаются незаметными, и потом, они придают лицу выражение какой-то незачищенности — вечное оружие женственности. Впрочем, все это, может, только мои домыслы.

Мама говорит, что Айша была любимцей в их огромной семье, где одних детей — братьев и сестер — было человек десять.

В те времена в доме дедушки летом собиралось множество долинных родственников и просто знакомых. Они приезжали на лето отдохнуть, подышать горным воздухом, а главное, спаслись от колхидской лихорадки. Девушким, сестрам мамы, и, конечно, ей крепко доставалось. Всю эту работу надо было корнать, поить, укладывать спать да еще и хозяйством заниматься. Я думаю, это трудная, но не утомленная и неспособная унизиться юность помогла моей матери впоследствии перенести много, отчего можно было сломаться.

Говорят, лет в пятнадцать Айша расцвела почти сразу. К ней стали приглядываться, о ней заговорили в соседних больших и богатых селах. Братья не выпускали ее из виду, потому что, раз девушка нравится, ее кто-нибудь захочет украсть, и обязательно тот, с кем не хочет родниться семья девушек. Потому что, если уж очень он нравится семье, ему, пожалуй, и незачем воровать девушку.

Но случилось так, что в нее влюбился простой парень из соседней деревни, да еще родственник, правда, дальний. Звали его Теймарз.

Он отидух в доме дедушки, потому что болен маларией, и, может быть, любовь Айши была продолжением женского милосердия. Она ухаживала за ним. И, как это бывает в таких случаях, его-то как раз никто всерьез не принимал. И как больного, и как родственника, и как вообще слишком молодого и ничем не приметного человека. Но болезнь оказалась делом временным, родственность — относительной, а молодость еще никогда не бывала препятствием любви.

Говорят, когда дедушка узнал, что они хотят жениться, он наотрез отказался выдать дочь.

— Не будем ввязать наше родство в дело зламы, — сказал он, — а то потом рубить придется.

— А что он такого украл! — спросили братья и презрительно помали плечами.

В те времена в наших краях доблесть мужчин проверялась способностью с наибольшей дерзостью угнать чужого коня, стадо овец или в крайнем случае корову. Это была своеобразная восточная джентльменская игра, при которой хозяин, обнаружив пропажу, гнался за обидчиком и стрелял в него без всякого предупреждения. Игра была благородной, но опасной. Вот почему горец, показывая на своего коня, клялся всеми

святынями, что он у него ворованный, а не какой-нибудь купленный или дареный. Иногда они оказывались именно купленным или подаренным; и тогда клеимому позору ложилось на хвастуна до тех пор, пока он его не соскребал строго доказанной дерзостью.

Дедушка, отказывая Теймарзу, говорил, что он родственник. Но я думаю, что это была только отговорка. Мачеха Теймарза приходилась двоюродной сестрой дедушке. Вот и все родство. Дедушка, спрашивая в этом отношении абхазские обычаи инканого смещения кровей даже не могли заподозреть.

Откровенно говоря, против самого Теймарза дедушка, кажется, ничего не имел, но ему не нравился его брат, известный в Абхазии абрбан и говорушка. И хотя Теймарз был среди них вроде выродка, то есть никого не убивал, не умирал, не уходил, дедушка не хотел связываться с их семьей слишком близко. Он был далек от всего этого молодчества, и это удивительное всего. Он прожил длинную жизнь, полную военных трудов и невольных приключений, дважды побывав в Турции во времена переселения абхазцев, дважды начинал жизнь с первого айбного кола. Вокруг него свистели пули абрбанов, ревели угнанные стада, творили своей жестокостью обет кровники, а он словно не замечал всего этого.

Получалось довольно странно: то, что нравилось в Теймарзе дедушке, не нравилось братьям Айша, а то, что нравилось братьям, дедушка терпеть не мог.

Но и спориться с братьями Теймарза было опасно. Поэтому, убедившись, что любит он друг друга не на шутку, а парень никак не отстает, дедушка дал согласие.

Сыграны свадьбу, и молодые стали жить в доме Теймарза. Оттуда его, говорят, полюбил Айша больше своих дочерей, потому что она была ласковой и услужливой девушкой. С приходом Айши дом старика ожил и засветился. До этого сыновья его редко навещали, тем и жили поблизости. Они были недовольны тем, что он женился на молодой матери, второй раз. Соседи тоже избегали старика, потому что побивались его синовей. Айша смягчила все отношения, и в дом старика потянулись братья и соседи, как на добрую старую мельницу.

Однажды старуха, соседка Айши, зашла на огород нарвать перца и вдруг заметила в двух шагах от себя в кустах фасоли незнакомую собачонку. Старушка прикрикнула на нее, но та вместо того, чтобы убежать, неожиданно осмаллась. Рассердившись старуха, хотела пнуть ее ногой, а собачонка укусила ее за ногу и убежала. Тут только она и заметила, что то была не собака, а лиса. По другой версии, то была не лиса, а куница. Поднявшись старуха на чудеса, посплюхнула ранку, собрала в подпол свой перец и вернулась домой.

Ранка от укуса была еле заметной, все равно что о ежевичную колючку укололась. Вечером она рассказала о случае на огороде своим домашним. На рану никто не обратил внимания, только все удивлялись, что лиса или, тем более, куница осмелели укусить человека.

Недели через три старуха заболела. Возле нее день и ночь дежурили родственники и соседи. Айша не отходила от нее ни на шаг. Менала ей булье, прикладывала ко лбу мокрые полотенца, сисмонное в носом молоком, пыталась кормить. Вскоре стало ясно, что старуха заразилась бешеным. Через несколько дней она умерла. Пригласили знахарку, и она приговорила настоякой для всех, кто присматривал за больной.

В тот день, когда знахарка принесла приготовленную настойку, Айша лежала в постели. Она слегка приболела, это было обычное недомогание, которое испытывают многие молодые женщины во время беременности. Может быть, из-за этого недомогания она оказалась легкой свадьбой. Никак не могла ее заставить. В конце концов близкие сочли это за обычный клрызр бремен-

Фазиль ИСКАНДЕР

Рисунки
Г. НОВОЖИЛОВА

РАССКАЗ

СЛА

ной женщины и оставил ее в покое. Тем более, что ни в снадобе, ни в возможности заразится бешенством, именно гнили путей никто особенно не верил. Пили так, на всякий случай.

Но Теймраз, узнав о том, что она не выпила настояку, встревожился. Он решил заставить ее выпить. Говорит, он целый день уговаривал ее, даме несколько раз выпивал сам, чтобы показать, как это просто. Но она никак не хотела пить. Только поднесет стакан с настоякой и губам, ее так и воротит.

— Не могу,— говорит и отстранен стакан.

— Неужели ты умрешь, если выпьешь?— говорит, сказав об ей напоследок.— Почему ты так боишься!

— Да, умру,— серьезно ответила она и посмотрела ему в глаза своими большими темными глазами.

Говорит, при этих словах Теймраз поблелел, но все-таки упрямо протянул ей стакан.

— Пей,— сказал она,— если ты умрешь, я пойду за тобой.

Говорит, на этот раз она посмотрела на него своими большими глазами и ничего не сказала, только молча взяла его за руку.

— Что за глупые шутки,— возмущалась тут мама на Теймраза,— подобает ли мужчине поддерживать жалкие разговоры беременных женщин! Всем, кто слышал, как пороговаривались Аиша и Теймраз, стало как-то не по себе. Потом они уверили, что уме тогда по их разговору что-то предчувствовали. Я думаю, что дело не в предчувствии, а в том, что влюбленные возвращали словам их истинный вес, и это-то показало странным и необычным том, что был рядом.

Улысываясь недовольным тоном сверком, говорит, Аиша привстала и, продолжая держать одной ру-

кую руку мужа, другой взяла стакан. Шеки ее слегка зарумянились. Она выпила настояку не пороговариваясь, сказала, что попробует заснуть, и легла, перевернувшись к стене.

Через день у нее началась сильная жар, и дней десять после этого она была между жизнью и смертью. Дедушка поехал в город и с большими трудом привез врача. Но никто не хотел лечить. Врачи пришли, но началось заражение крови и ей в ее положении никак нельзя было пить это снадобе. Аиша родила мертвого ребенка и через несколько часов умерла сама. Теймраз пошел по окламен.

Родственники стали на него косятся, потому что, как ни велико горе, по абхазскому обычаю муж должен его скрывать от постороннего глаза. В день похорон покойницу выставили во дворе под укрывтем, чтобы все, кто хотел, могли поглядеть с ней. Рядом с гробом Аиша вывела ее личные вещи и стояла ее лошадь, которую держал под узды брат Аиши, тогда еще мальчик.

И вдруг, расплакаясь плакальщицей, Теймраз повел свою лошадь, оседлавшую, в полную готовность, и поставил ее рядом с пошедшей женой.

Поднявшись родственники и соседи такому невиданному обряду, потому что никто не слышал, чтобы рядом с лошадью покойной жены ставили лошадь живого мужа. Запечатланы гости, не считаясь с ней. Рядом с гробом Аиша вывела ее личные вещи и стояла ее лошадь, которую держал под узды брат Аиши, тогда еще мальчик.

Произошла неприятная стычка, неуместное замешательство. Все-таки они добились своего.

— Вы еще об этом пожелаете,— сказал он себе, вывел свою лошадь из круга плакальщиц.

После похорон все наши шли на лошадей и отравились к себе в деревню. Теймраз вывезлся ее провозить. Моя мама, тогда еще дочерца-подросток, ехала рядом с ним. Мама говорит, что он начал какие-то странные разговоры, она его совсем не понимала, но плакала, то принимала, то ухаживала.

Они ехали по осеннему лесу, выстеленному сербристыми листьями. Вокруг установило золотистыми листьям, пахучему и свежому как молодое вино. Я знаю эту дорогу от Джигрды до Алуцы, она сейчас красива, но тогда она им казалась бесконечной и грустной. Наконец приехали домой.

Приготовили еду. Теймраза едва уговорили сесть за стол. Он пил и ел, но к еде так и не притронулся, только выпил два стакана вина. Потом он встал, поворачиваясь со всеми и вышел во двор. Дело шло к вечеру. Его пытались оставить дома, но он отказывал походить и неожиданно стал джигитовать во дворе.

Он поднимал коня на дыбы, бросал его в галоп, заставляя скакать, то есть скользить по траве, и многое другое.

Говорит, было что-то жуткое в этом иррациональной жесткой джигитке. В тишине притихшего двора раздавалось только лирическое шелканье камчи и жесткой гола всадника, понукающего коня. И сам он, говорит, был страшен, смертельно бледный, с траурной каймой Бороды, властный и непреклонный в своей странной, никому не нужной джигитке.

Потом он перемалывал через ограду и покатился в сторону своей деревни.

Поведение его было необъяснимо и позорно. Джигитовать в день похорон жены, да еще в доме ее отца — это было ни что не позорно.

— И за этого выродка я отдал свою дочь!— сказала дедушка иррационально и сплонул.

Часа через два в тот же день Теймраз был уже дома. Его не мидли. Думали, что он останется у нас, но он приехал. Ничего особенного за ним не заметили.

От ужина он, говорит, отказался, сославшись на то, что он уже сидел за столом у нас. Можно представить, каким пугливым и холодным показался ему собственный дом после похорон живой жены.

На следующее утро был чудесный, мягкий день, как же бываю у нас в Абхазии в дни сбора винограда. Отец Теймраза привез лошадь веревку к виноградной корзинке и пошел в сад. Он звал сына с собой, но тот сказал, что ему нужно уладить кое-какие дела.

Как только отец ушел в сад, Теймраз попросил у матери честное слово, что хочет вымыться а перед большой дорогой. Она не стала спрашивать, какая дорога и куда. Она решила, что сейчас ему будет полезнее всего отмыться.

— Будь осторожен, сынок,— сказала она, увидев, что он стал прочищать старое отцовское ружье.

— Хуже того, что случилось, не будет,— ответил он.

Потом Теймраз отложил бритву, побрился, нагнул воду в котел и вымылся. Мачеха все это время сидела на крыльце с вазаном. Отец не сколько раз окликая его из сада, чтобы он принял спущенную на веревке корзину, и он несколько раз проходил в сад.

Потом он пошел на могилу своей жены, постоял там немного, поклонился и стал выкидывать камушки со свежей насыпи.

«Словно готовя грядку огорода!»,— подумал отец, глядя на него с дерева. Во всяком случае, так он потом рассказывал. У нас обычно горюют своих покойников недалеко от дома.

Теймраз постоял во дворе, потом тихо подошел к мачехе и говорит:

— Мама, у меня опасная дорога. Если что случится, продайте моего коня и сделайте так с женой общие поминки.

Всплеснула руками старая, запринята:

— Мало нам горя, опять чего-нибудь наклин- шим!

Жалко ему стало ее. Подошел, обнял.

— Уйди, уйди, дуралей невезучий!— говорит она и отхланивается от него.— За что мучаешь старикой!

— От теплого осеннего солнца, от горькой усталости этих дней старуху твою и дело одолевала дрема. И вот снова дрему ей показало странным все, что делал Теймраз, как будто он все делал назвотвор. Так она потом рассказывала. Только зарделет, и ей выкидывать Теймраза сначала побрился, а потом намотал бритву, сначала оделся в чистое белье, а потом стал греть воду, сначала заардил ружье, а потом стал его чистить.

«Да что же он все делает не по-людски!»— думал старик, связав с ним, и омушвился, озмреет. Посмотрит вокруг — вроде все в порядке, а душе нехорошо. Снова зарделет, и снова все то же, и вдруг ее словно что-то толкнуло.

Она окончательно очунулась,— почему же это он собирается в дорогу? а еще не покаял коня! Где это ты слышал! Но даже же сначала помять коня, привести его домой, а потом собираться в дорогу. Только хотела оклинуть его, слышит, вроде в кладовке кто-то крашею сумочку хлопнул.

— Теймраз, это ты,— кричит,— она, не взошла ей не ответить. И вдруг расплакается кукольная дверь, и оттуда выходит, почти выбегает Теймраз.

«И детям ваших врагов не поменяю, чтобы они так выходили из куколки»,— говорила потом старуха.

Сначала она ничего не поняла. Теймраз почему-то скребет себя ладонями на груди и выбегает на середину двора, а потом она увидит, что на нем горит рубашка, а он ее ладонью погасит.

— Что с тобой, Теймраз!— крикнула она не своим голосом.

— Ничего, ничего,— сказал он, испугавшись ее голоса, и, словно стыдясь того, что случилось, стал прикрывать ладонями дымящуюся рубашку.

А потом между пальцев выплеснулось струя крови, Теймраз зашатался, но у него все же хватило сил лечь на траву.

Отец услышал крики со своего прокулатуевого виноградника, поспешил на помощь, бросился с ружьем и победил к сыну.

«Вот же как бывает»,— говорил он потом удивленно,— в другое время сорвался я с такой высотой — не встал бы, а тут — ни шарыни!».

Теймраз помалом оторвался от травы, продолжая терпеть почти поганую рубашку. Попасть его все еще поминки, что надо погасить этот маленький пожар, но сам он уже не понимал, что сделал с собой. Он был мертв.

Братья Теймраза оскорбились причинной его самобуйства. Его похоронили наскоро в этот же день, никого не зная, не пустив горевестников по соседним селам, как это обычно делается.

Через сорок дней отец устроил поминки. Поминки сразу обочи. Похоронили их, конечно, рядом.

Я никогда не видел ни Аиши, ни Теймраза, но иногда мне кажется, трагедии близких доходят до нас как бы в затихающих колебаниях безотчетливой грусти.

Только случается может подумать, что к сваяно самоубийство, но чего бы стоили слова о человеческой дружбе, человеческой верности и любви, если б время от времени они так грозно и чисто не намешались настоячей кровью, кровью, которая и в те времена подлещам казалась старомодной!

ПУТЬ К ИСТИНЕ

В 1956 году в Ленинградский спортивный клуб армий, где тренером по художественной гимнастике работала Любовь Яковлевна Денисова — первая чемпионка страны в этом чисто женском виде спорта, пришла маленькая, хрупкая девочка.

— Мне сказали, чтобы я и вам пришла, — робко обратилась она к тренеру.

— А кто тебе сказал?

— В школе, учитель физкультуры.

— Ну что ж, давай попробуем что-нибудь сделать.

Так началось знакомство семилетней Лены Захаровой со спортом. С тех пор прошло девять лет. За это время девочка успела окончить институт физкультуры и стать мастером спорта. Дружба спортсменки с первым и единственным тренером стала еще крепче. Любовь Яковлевна твердо убеждена, что Елена еще далеко не исчерпала своих возможностей и мастерский рубеж для нее — лишь один из этапов в большом спорте.

Вспоминая о первых шагах своей любимицы, Любовь Яковлевна говорит:

— Мне Лена понравилась вначале своим характером. Послушная, старательная была девочка. Но способность ее обнаружился не сразу.

— Целыми днями из спортивного зала Института физкультуром имени Лесгафта слышались мелодии Чайковского, Шопена, Грота, Хачатуряна, Глиера. Идет очередная тренировка. А может быть, ее правильнее было бы назвать репетицией. Ведь у художественной гимнастики так много общего с балетным искусством!

Вот Захарова разбегается и проделывает в воздухе сложные пируеты. Кажется, все отработано идеально. Но Любовь Яковлевна недовольна.

— Не чувствуется, Лена, мягкости в движениях. И ритм мне не нравится. Поворот надо делать в более широкой амплитуде и гораздо стремительнее, а прием-

Салим НЕНМАСОВ,
мастер спорта

Фото В. ТЮККЕЛЯ

Четверть миллиона из жизни Елены Захаровой — в мундире на тренировке, на отдыхе и на занятиях с юными ученицами. Все они подчинены одной цели: поискам красоты, цельности, выразительности.

ление должно завершаться еще четче и обязательно с улыбкой. Понятно?

Все начинается сначала. На этот раз как будто все идет гладко. И снова «Стоп!»

А теперь ты вялая чересчур быстрой темп. Да и голова не в меру поднята. Надо найти золотую середину.

Снова и снова повторяет Лена комбинанду. Шпифона на каждой детали продолжается до тех пор, пока тренер не произнесет свое исключительное:

— Вот теперь более или менее близко к истине.

Следующее задание посвящается хореографии. «Художница» должна не просто владеть танцевальными элементами, входящими в композицию. Хореографическая классика налагает свой отпечаток на стиль исполнения всего комплекса упражнений. Гимнастка становится балериной: начинается работа у станка.

А музыка? В спортивном творчестве Захаровой она занимает, пожалуй, не менее важное место, чем у любой балерины. Поправилась, снижам, Лене завая-иниудамелодия, и тут же начинается подбор элементов, отражающих характер музыки.

Захарова всегда выступает с произвольными комбинациями, наследием исключительно сложными поворотами и прыжками. Такую «балансирование на грани» требует не только высокой техники, но и крепких нервов. А сочетать эти ценнейшие качества трудно.

Много энергии отдает Лена Захарова своему любимому виду спорта. Но у нее хватает и других забот. Ведь теперь она сама стала педагогом и тренирует юных спортсменок.

Биографии Елены Захаровой (и спортивная и трудовая) только начнутся. И имя ее в списках победительниц пока не значится. Заведная мечта спортсменки — попасть в четверку советских гимнасток-участниц предстоящего первенства мира. Что ж, ждать осталось недолго: не за горами отборочные соревнования перед первым мировым чемпионатом «художниц», который состоится в декабре этого года в Праге.

С. МИХАЙЛОВ

Дото С. ПЕТРУХИНА

Э

тот зад видел ошеломляющие сноукеты, классические туши, головокружитель и в е грации на переломе. Он плещивал босерис, борш, штангитесь, тгн настам.

На сей раз здесь не было ни динга, ни копра, ни по моста. Арену занимали пятдесят один столон с зендизами и пиддесат одо паринмакхеро кресло. Шли орствозания космосных паринмакхеро.

За фортигам — занавеской точн таюв, нан в ширне за ареной — готовились и началу «битва» за красоту.

Конкурсанты выстроились в шеренгу: по три лучших молодых паринмакхера от

каждого района столиц.

— «Объект» пришел?

— Пришел. В сторонке девушка-паринмакхера тайком смахнула невольную слезу: «Объект» подлетел, не влился.

Наконец «Объект» выскочил, зашвырнувшись и очтанно встуча вдоблучаным шпилью. «Сле-еле-е с работ отпродис!»

Уже потом Тена (так звали девушку-паринмакхера) жаловалась мне: «Понимаете, у заводчицовой есть маневенности. А у нас? Попробуем прийти, захочет — придет. А если не захочет?»

И все же конкурс идет. Конкурс нам конкурс. Сначала обязательная программа. Последнейне холодные за-

речь была только о неравном акусе. Можно было бы еще оптимистически световать на меня, если бы все дело заключалось только в эстетическом воспитании. Но пошная форма всегда несет и содержание пошлое. Вот оно во всем своем оглении:

Любовь — это бурное море.

Любовь — это злая удава.

Любовь — это радость и горе.

Любовь — это суцый обман.

Ведная Нина! Как легко ей было верить и начать жить по этим страшным рецептам: ах, обман — значит, надо первой начать обманывать, чтобы не страдать потом самой. Девушка, не знавшая жизни, она почти уверенно выписывает «примреты» чувств значение рукопожатия («Притягивает») и как любовь. Помнить и отсутствовать — как девственую. Знание пошлости («Влюб — глубокое уважение, в щену — пыльная любовь, в руку — тайная любовь») и т.

Я боюсь, что найдется читатель, который воскликнет: «Значит, все не верно в советки? Те были неправильные, значит, надо дать правильные». Вот если бы Нина читала современные поэтов... Если бы прочитала она, например, таюе:

Эх, заныт бы ей, чужд душой,
Что ты стоишь, как будто не жива.
Что строгость есть ни одной
Девчонке не попердела.

И может все вышло не так бы. Случись ЭТА noch после свадьбы...

она не стала бы обманывать и научилась любить как следует.

Очень боюсь, что никакого не произошло бы, потому что и этот совет на уроке тех, которые доверди чина записывала Нина в свое тет-

радь, потому что в основе всех этих советов лежит одно и то же примитивное понимание любви просто как свода правил, зная которые, можно прожить легко и безбедно. Вот-воты, эти этики вовсе не о любви, а о чепухе, которую выдумали девушки, чтобы друг другу. Какал уж тут любовь, если выдать, как ей теперь считать себя — женой или просто так», а пареня в ответ на это отводит взгляд. И случись ЭТА noch после свадьбы, ничего бы не изменилось в их отношениях, потому что любовь и счастье определяются не делопроизводителем загса, а самим людьми.

А вот-вотки, и другим эта история помочь ничем не может, потому что в этих советах всегда проглядывает этакая надежда дать универсальную отмычку к одному из самых индивидуальнейших и интимнейших чувств. Наверное, нам раз поэтому акорстичность в стихах о любви чаще всего оборачивается пошностью. Превратить поэзию в своеобразный справочник, сборник своего рода «полезных советов» можно, наверно, лишь тогда, когда забудешь об этой великой единности, неповторимости каждой отдельной любви.

В основе подобных попыток лежит не чувство, не человек, но всего лишь соображения рассудка и модерные и человеку, воспринять мир и людей как нечто враждебного, чего надо опасаться и спастись...

Очень боюсь, что никакая история с золотой рыбой, историю переживала в анимирном всем цветом рауте, отгривала востом, и которую решили вытаскать из воды, чтобы вдосталь наполниться, многозначимые краски, обильные краски, очарование исчезло — рыбка была выловлена, а история с золотой рыбой и в нашей литературе, в наших

нами, давно привычными во всему: «Обычно они выходили с шумом-гамом». Эмика рассказывал анекдоты. Ильядр играл на гитаре, но сейчас среди них была маленькая девчонка, и они не знали, как себя вести. То есть знать-то, конечно, знали, но сейчас друг почувствовали, что так вести себя не годится.

Я боюсь за этих ребят, боюсь за их счастье, их судьбу. Ведь от неуменья любить до человеконенавистности, цинизма один шаг. Любя, потерявшие стыд, забывшие про свои инстинкты, становятся бесчеловечными. Я видел, как новелания девиц и юнош избивала человека. С чего началось их нестности? Не с того ли, что такое чистое чувство было померенно пороком?

Нет, я не могу спокойно рассуждать о страсти, анализировать то, что есть. «Романтизм» стало превращаться в жульн, в опасность. Милый ремисер с восторгом открывателя сообщает, что Ромео было всего 15, а Джульетте 14 лет, забывая при этом оценить и своеобразия эпохи, и среды, и условности трагедии Шекспира.

Потому что в высокой любви стали выдвигать только страсть, только свободу, но задумывались над остальным. Там, что нет? Может быть, действительно не стоит говорить о любви, не стоит отходить на записки тем, сидящим в зале?

Помню, как мне, молодому тогда еще преподавателю, обстоятельно и томе молодая, но уже успешная распелетя женщина, считавшая себя, нан это случается с людьми понимающим, образцом нравственности и строгим строгой морали. Ну как же так, Александр Самойлович? Мы же молодой преподаватель и говорите с

детьми о любви Онегина и Татьяны! Разве можно? Ведь они еще только в 8-м классе. Что вы хотите в них воспитать? Разве в учебнике или программе написано про любовь?

В учебнике и программе про любовь действительно ничего не было написано, и мне возразить было нечего. А она продолжила: «Пушкин-то написал роман — энциклопедия русской жизни. Вот вы и должны показать ужасные социальные условия в тогдешней России. Но говорить детям о любви...» — Она страдальчески возвестила глаза и небо. А в этот самый момент те самые «дети», о нравственности которых так покаялся наша матрона, шли за ответами на вопросы о любви и ныли «учителям», туда, где не действовали законы ханжеской педагогики, где им говорили...

Что им говорили, и очень хорошо могу представить. Вот лежит передо мной потерянная именная тетрадь. Когда-то, в 1947 году, она принадлежала какой-то Нине Сеченовой. Тетрадь попала мне в руки случайно, уже в году 56-м. Я никогда не видел Нины, и все-таки я ее знаю. Где она сейчас? Ничего ей должно быть года 33—34. Счастлива ли она? Нашла ли свою коршуну судьбу? Ох, вред ли! Вот он, этот альбомчик. Аккуратный помере переписаны «стихи без меры, по преданию», внесенные в знак верной дружбы, уменьшенные, прощальные, доменные, словечко там, стихик, о которых почти полтора столетия назад писал еще Пушкин. Вот они, эти стихи:

Мне эти дни одно страданье,
Сы, как ушел, взял кою любовь.
И я обратю надежду свиданья,
Чтоб было с тобою... вновь

и т. д. 74 страницы! Любовь, добро бы были просто плохие стихи. Добро

вины. Время — двадцать минут. Обмотать разглаживают себя в зеркалах. Мастерам вытатуи в зеркало. Неогоро. Руки проворно мотают волосы на колечки-бигуди. Некоторые колечки тоненькие, другие уже не колечки — колпачки. Делать не знают, авают голову. Крутятся, мелкие — разные. Одни ровные, словно — пиния горизонты, другие устремляются куда-то вверх.

Потом звучит сигнал, возвещющий, что время истекло. Парикмахерам поглядят «арену». Теперь они где-то на форточке шепчут, водноуются. А на «арене» опытные мастера парикмахерского искусства — жюри конкурса. Они не знают, кто даст работу. Они видят только результат работы на «объекте», сидящем перед зеркалом с номером.

Когда жюри проходит мимо, девушка особенно элегантно, шаг выдвигает. Составляет прическу, тут — последние. Вечерние прически — пиния шапки, из них — «Большая симфония». Названия «обмотать» представлялась ей чьей-то очень гитарами, и по-стыдому. Для нее слово «любовь» было обозначением чего-то постельного. Веда пошлости ханства в том и заложен, что для ханства нет ничего чистого и светлого, поэтому они и хотят все упрятать в сумки — благоразности, за мущинами замками так называемой морали; без них жизнь кажется ханства таленной и нестройной.

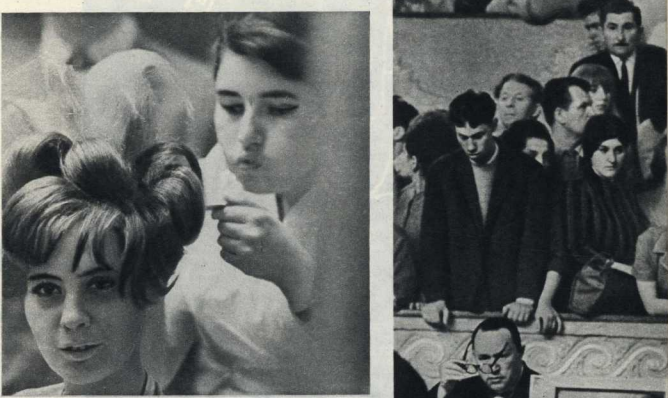
разговорах о любви, когда вдруг исчерпает все очарование и остается только пошлость и грязь.

Нет, я вовсе не хочу остановиться на пошлости той «матрицы», которая считала, что о любви говорить нельзя. Она говорила так потому, что где-то в «матрице» любовь представлялась ей чьей-то очень гитарами, и по-стыдому. Для нее слово «любовь» было обозначением чего-то постельного. Веда пошлости ханства в том и заложен, что для ханства нет ничего чистого и светлого, поэтому они и хотят все упрятать в сумки — благоразности, за мущинами замками так называемой морали; без них жизнь кажется ханства таленной и нестройной.

Но я не могу согласиться с тем, что под флагом борьбы ханством начинают растлеиваться, оправдываю, что там что-то творит, ведьной — все равно люди годе. «Там пусть будет правда» — воинственно заявляют эти победители истинны. И тогда, что правда вырастает не из точности мерки, а из точности и верности осмысления жизни.

И этих все — правда! Пишут так смело, так лихо, аж дух захватывает! И идут носками в так называемые модные повести, рассказы и фильмы постели двусмысленные, однолюбивые, и влюбленные, и любящие. Дуй дальше! Не бойся: ведь правда же!

Вещи да речи... Молчи, фарисей! Не спорю, Имя полюбил. Что дети рождаются жарких речей. От жарких речей. А не жарких объятий.

Душа да душа... Замолчи, ты, ханка! Мы тоже спят. Но разве жь худо. Что и живая нас манит Не только душа. А женского тела Горькое чудо. (В. Федоров)

Дети действительно рождаются не от жарких речей. Но ведь дело, очевидно, не в том, чтобы с отчаянной смелостью поведать миру правду деторождения, а в том, чтобы люди были счастливы.

Мы не боимся упрено в ханстве. Мы твердо убеждены, что нельзя безнаказанно вычлени в личности одну лишь сторону.

Может быть, это бывает полезно в науке, но литературе, искусству — явления синтетическим — это противопоказано.

Да, в человеке две стихии: одна — протинушенная от его миллионлетнего прошлого, когда он, человек, был еще только животным, другая — уходящая в будущее, новая, духовная. Само понятие счастья, само понятие любви — они от нового, они всецело определяются духовными лицом человека, и выражаются их надо бережно, заботливо и очень ответственно. Поэтому что все человечество развивается в направлении нас как личности. Мы все бурляем, вприпрыжку идем в свою жизнь — тнем вперед самую жизнь, все человечество. И оно, выражаясь в каждом из нас вперед, все дальше уходит от своего животного прошлого, изменяя, заметит полностью, и этот животный мир: не буди человек, ничей, безжалостный воюи не когда бы не стал уюной и верной собакой.

Культура — это не только самовоспитание и управление собой. Это еще и переделка мира, окружающего нас и небезотосительного и нам.

Я думаю, нам нам недостает точки неорганичного отношения и этих внешним фантазмам, шматкам грязи. Вы ведь помните, как обмущи Павла тяжелый табулет на голову пошла на Файло, вздрагивающего пожелаться своими успехами у женщины! Я не призываю вооружиться табулетками: это оружие громоздкое и случайное. Но непримиримость и пошлость — это тоже самовоспитание, это тоже борьба за чистую и прекрасную любовь.

Воспитывать личность — значит быть непримиримым и той разнужданной музыке, которая, расторгаянная все двигательные центры, выключает у человека сознание. Это быть непримиримым и той пошлости, в которой любовь низводится до уровня принитной случайности, пустяка. Это выступать против тех зарисованных картин, в которых неуимые рекламеры рдевают на глазах у всех девушек, женщин, выставляя на всеобщее обозрение предметы интимного туалета. Это быть ответственным перед людьми, перед временем, перед целовством.

Писатели — хитрый народ. Они говорят: «Мы пишем правду», — но не договаривают: «Мы соделаем правду». Ибо высказанная мысль, художественный образ становится той действительностью, которая возмещает на человека подчас назинного сильнее, чем правда объективная, окружающая нас жизнью. Можно, конечно, воюя с ханством, унифицирующим личность, стремляющимся набросить на то, что существует, вуаль так называемой нравственности, сказать в том, что есть в жизни другое! Можно вспомнить и то, что Пушкини полюбил не-

даленую и не очень строгую женщину, но нельзя, обобщая все это, прийти к простейшему выводу: все есть в жизни. Можно и нужно возмутиться тем, что в уюной немощности старости шепчет, заивая: «Мм б в обинуи не пошли... Мм б такого не смогли. В наше время, в тех годах, мы не танцевали так...»

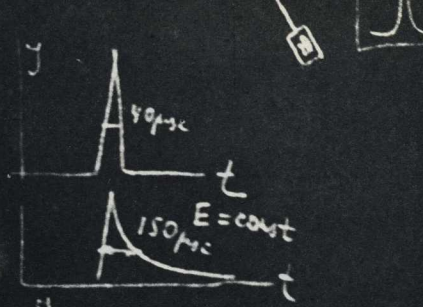
Этим людям надо возмущаться, потому что они лгут. Но нельзя в запальчивости провозглашать: «Все совети оборуи», — свая любовь только и одному «Я!»

Начинается любовь с буквы «Я». И только с «Я!» — до ревности слепой. С «Я!» — и до небитал! Никого на свете нет. Есть она и я. Влосом. (Р. Рождественский.)

Нельзя, потому что тане строчин — при все бланк намерениях поэта — немедленно возмуть на вооружение мелодию, но уюе изолганность себелюбия. Писателю мало только существующей правды (ее не мущидать, ни ми видни, и автор бездарный врещи из альбома Нины Сечинной), он должен эту правду осмыслить, все время видя своего читателя не только танем, канюи он сейчас, но и танем, канюи нам всем хочется его видеть, танем он должен быть. Чтобы Нины Сечинной были счастливы.

Л. ШАРОЛЬ

Фото С. ПЕТРУХИНА

Человек или машина?

Тысячелетия человеческий мозг беспрекословно считался высшим достижением природы. Не возникало даже сомнений, что у него может появиться соперник. Увы, минувший иной раз покомит на жалость. Настал 1951 год, заработали первые электронно-вычислительные гиганты, и возник тезис: «Машины обошли мозг!»

В конце 50-х годов сработал универсальный принцип: мир познается сравнением. Обобщенное же сравнение (без «гуманитарных» эмоций и «физических» переключений) живого мозга с кибернетическими системами привело к удивительным выводам.

Да, буйно эволюционирующие «умные машины» обладают целым комплексом выдающихся свойств. Однако «скорое вещество» на этом блестящем фоне отнюдь не блекнет. Наоборот, именно теперь особенно ярко заиграли некоторые феномены человеческой психики. Напомним некоторые из них.

Математик Джон Нейман подсчитал, что память современного человека может вместить 10¹⁰ условных единиц информации. Это примерно равно информационному фонду библиотеки имени В. И. Ленина. (Ни одна из современных электронных машин не смеет и мечтать о такой памяти.)

Луи Пастер сделал все свои открытия, имея лишь одну половину мозга, другая была атрофирована в результате кровоизлияния. (Современные вычислительные устройства, как правило, прекращают работу после выхода из строя одного или нескольких своих элементов.)

В Париже живет знаменитый феномен — счетчик Луи Дагбер, производящий в уме головоуражающие вычисления. Например, за несколько секунд он извлекает корень шестой степени из числа 40 242 074 782 776 576. (Быстрее, чем любая электронная машина.)

Итак, вывод: мозг «Homo sapiens», то есть человека, обладает колоссальными резервами. Но можно ли их реализовать?

Кора и подкорка

Как заставить наш мозг работать с большим КПД. На этот счет существует довольно распространенное мнение. Студенты трансформировали его в тезис: «Упрись рогом — пробьешь любую стену!»

Увы, работоспособность, усидчивость, упорство не всегда приводят к победе. (Вспомним печальный опыт графоманов.) Мозг не бурный станок, а высочайшая, необычайно сложная система, ключик к которой подобрать не так-то легко.

Предельно упрощая, можно сказать, что наш мозг состоит из двух систем: коры и подкорки. Общеизвестно: подкорка — древний отдел мозга, существовавший еще на заре человечества; кора или большие полушария — новое образование, свойственное главным образом «человечью разумному». Кора — сфера мыслительной, рациональной деятельности человека, подкорка — чувственной, эволюционной. (Повторяем: при предельном упрощении.)

Впрочем, одно время бытовало мнение: подкорка весьма существенно влияет на нашу живую деятельность. Многие ученые сегодня считают, что именно в этом «таинственном» отделе мозга берут начало источники таких категорий, как вдохновение, талант и т. п.

И сожаленно, мы очень мало знаем о принципах работы этого удивительного механизма и совершенно не умеем управлять им.

Ситуация с корой до самого последнего времени тоже была не из блестящих. Да, мы умеем мыслить. Считается, что с каждым десятилетием человек делает эту операцию все лучше и лучше.

Сессия свободного парения

Для того, чтобы семинар, посвященный решению какой-либо важной проблемы, работал оптимально, необходимо разделить эту коллективную работу на две части: этап подготовки и этап «открытого».

Допустим, лаборатория получила задачу: разработать принципиальную схему машины арифметического устройства, отвечающей определенным требованиям. Руководитель лаборатории составляет семинар, цель которого — рассмотреть варианты решения и выбрать один или несколько из них. Вначале в глаза бросается, что оптимальная критика и самокритика вызывают у участников семинара своеобразную боязнь показаться фантазером, идеалистом. Эта «боязнь» снимается, а иногда и гаснет фантазией научного сотрудника, то есть лишает его самого главного: возможности перейти в состояние вдохновения, свободного и творческого творчества. Поэтому первым условием является примерное равенство в рамках «членов группы «генерации идеи». Наоборот, в группе «оценки идеи» обязательно наличие члена, облеченного определенными полномочиями. Это необходимо для того, чтобы предотвратить опасность той или иной идеи иметь под собой реальную почву для ее реализации. Вообще говоря, проблема оптимального равенства групп очень важна и сложна. В группе «генерации идеи» предлагается включить широко «разрушенных» сотрудников, склонных к фантазии, но не представляющих суть стоящей перед ними задачи. Большое значение имеет приближение равенства членов группы по темпераментам. Как показывает накопленный за рубежом опыт, оптимальное число членов группы «генерации идеи», нацеленных на решение проблемы средней сложности, не превышает десяти представителей необходимых научных направлений.

В «группе оценки», естественно, включают людей с критическим складом ума.

Создатели методики «мозговой атаки» рекомендуют для решения отдельных важных проблем собрать группу специалистов из разных НИИ. Интересна форма «мозговой атаки» в работе творческих групп.

Участники обеих групп на период сессии по возможности максимально освобождают от внешних забот и деловых встреч. 3-5 питаний, получение билетов и т. п. Это должно способствовать созданию атмосферы «свободного парения», необходимой для продуктивной работы.

Группы «генерации идей» и «оценки» работают в два этапа.

Начинает работать группа «генерации». Руководитель коротко излагает суть задачи и устанавливает темп работы: на подготовку, 3-5 минут, на обсуждение, 5 минут. Истории, роль руководителя в «мозговой атаке». Это своего рода дирижер «синтетического мозга». От его эрудиции, такта, умения «заставить» членов группы зависток отойти.

Работа началась. Один из членов группы коротко излагает возникшую у него идею решения задачи. Пять минут на обсуждение, 5 минут — переход к следующему участнику. Добавляет, развивает предложенную идею или выдвигает новую. И т. д. Критика выдвинутых идей страшнее воспринята: она не входит в задачу этой группы! Задача ее — оценить.

И что любопытно: нет персонификации идей. В члене виден свет процесса коллективного творчества. Все идеи кратко записываются. Постепенно в комнате водворяется дух взаимного доброжелательства и поддержки. Вскоре все участники начинают мыслить лавиной. Группа приходит в состояние творческого озарения.

Сразу же задается вопрос: а каков уходящий час полезнейший идея в этом потоке? Как ни странно, довольно часто — первая. Не так уж часто, но иногда за 30 минут поступало около 100 идей-предложений. Треть из них «группой оценки» была при-

но мы мыслим в основном стилино. Правда, существуют и педагоги, полагают, которыми учителя вот уже много столетий обучают миллионы людей именно думать, то есть ставить и решать задачи. Однако анализ, проведенный в последние годы кибернетиками, обнаружил: большинство педагогических канонических рекомендаций и отнюдь не оптимально. (Вот, кстати, почему треть всех жизни, притом (лучше), миллионы людей во всем мире тратят на учителя, то есть на усвоение того, что уже известно, что напомним предыдущим поколениям.)

Мы не будем подробно останавливаться на теории и методах «программированного обучения». Это направление очень интенсивно и весьма успешно развивается сегодня у нас и за рубежом. Заметит только «интернетическая педагогика», когда оно сойдет на силу, станет, очевидно, одним из самых радикальных средств, с помощью которого человек будет «управлять» архаичным кортексом своего мозга. (Цель «программированного обучения, обучающих машин» — по-научному формировать мышление ученика, ученика-машиниста, творить. Уме первые опыты показывают: обучение при этом ускоряется в 2—3 раза, во столько же раз возрастает отдача. И это лишь начало.)

Итак, с новой делю как будто бы налаживается. А с подспорьем?

«Искусственный гений»

Несколько лет назад один из крупнейших современных кибернетиков, Уильям Росс Эйби, выдвинул идею создания «искусственного гения», или «искусственного суперчеловека».

В начале своей работы Эйби справедливо отметил, что проблема «А» это такое гениальное, едва ли не самая туманная в истории человечества. В то же время она необычайно интересна и важна. Ведь именно гении создавали и создают шедевры, по которым равняются, и которым стремятся выделиться.

А нельзя ли заставить электронные машины работать по рецептам гениев? Ведь тогда tempo не будет резко снижаться.

Увы, как работают гении, точно никому не известно. Но в числе их особенностей, пожалуй, можно на этот счет высказать довольно много. Эйби предположил, что кибернетический вариант «А» это искусство, сводящееся к следующему.

В основе принципа создания «искусственного гения» — некая «мозаика». Оказавшись в состоянии равновесия, открытия математиков. Кто не знает струну, рожденную гением Пушкина: «Здравствуй, матушка моя», — так и «мозаика» гения. Исследования показывают: любой источник так называемого «шума», то есть последовательности случайных, непостоянных явлений, способен... создать этот пушкинский шедевр!

Ист это так. В основе искусственных генераторов шума в природе не так уж мало. Например, падение капель воды в стакан, колебания луча света, образование молекулы в малом объеме в воздухе — все это типичные последовательности случайных явлений. Можно «оставить» номаров танцевать в луче света перед фотопленкой, считать тона в звуковой записи, слушать звуки, записанные на ленте, схемы преобразовать в последовательности импульсов, наличие импульса считать единицей, его отсутствие нулем. Это импульсную последовательность подать на электрическую пишущую машинку, которая при комбинациях «1000» будет печатать «а», при комбинации «1010» — «б» и т. д., то бесконечный поток хаотически сочетаний нулей и единиц воспроизведет на бумаге бесчисленное количество строк, сочетаний «а» и «б». Если записать на ленте 210 строк (число столь громоздкое, что его трудно записать) будет «Здравствуй, племя младое, незнакомое». Большая часть, а именно 190 строк (или другую подобную) систему работать до конца не удастся. Но, если записать на ленте все, что записано сегодня в миллионах томов, хранящихся во всех библиотеках мира. Но мы должны помнить, что это не только текст. Этот генератор должен будет работать очень дол-

го, гораздо, гораздо дольше, чем... существует человечество. Даже для того, чтобы создать одну пушкинскую строку. Потеря времени будет мизиг не только на «генерирование» бумажных сочетаний, но и на поиск этой гениальной строки среди бесчисленных потоков.

Но как же, спрашивается, Пушкин за свои 37 лет решил тысячи подобных задач? Очевидно, кора и подпора гения, действова в тесном контакте, на каком-то взлете, в состоянии озарения, производил эту работу в неизмеримо число раз быстрее. Как? Никто. Досконально известно лишь одно: даже у гениев процесс создания шедевра состоит из нескольких этапов. Сначала он «генерирует» некий первоначальный вариант (наброски картин у художников, мелодии у композиторов и т. п.). Потом начинается работа, доведенная до совершенства, в состоянии озарения, производится так называемая «мозаика». В принципе так протекает процесс творчества у всех «смертных». Только у гениев, говоря образно, «порада» содержит «руды» гораздо больше.

Центральной идеей Эйби состояла в том, чтобы при создании «искусственного гения» не заставлять одну электронную машину решать сразу обе задачи: генерировать «шум» и отбирать ценную информацию. Наоборот, надо разделить эти две задачи между двумя машинами с тем, чтобы эти сложнейшие процессы не мешали друг другу? Идея Эйби (а мы коснулись лишь основы) до сих пор не реализована в чисто машинном варианте. В последние годы в СССР и за рубежом принципы создания «искусственного гения» были взяты на вооружение индустриальной очень высокой скорости научного управления, которую, собственно, и посвящена настоящая статья.

Речь идет о «мозговой атаке».

Ум — хорошо, а деньги? —

Для современной науки — у нас и на Западе — характерна тенденция к интеграции. Разные науки вершится одиночно, супергерои, аутсайдеры. Но прогресс цивилизации, потребность в создании таких устройств, как самолет, атомная бомба, спутники в последние десятилетия, успехи огромных научно-технических коллективов. Во всем мире создается все более мощные лаборатории и комплексы институтов, нацеленных на решение одной или ряда родственных проблем. Речь идет о координации уставных усилий сотен и тысяч научных сотрудников. Фактически создается некий коллектив, что быстрое в наших условиях.

Существует несолько форм коллективной научной работы: семинары, конференции, конференции, семинары, на которых встречаются представители разных лабораторий; конференции, на которых сотрудничают различные НИИ, международные конгрессы и т. д. Но, к сожалению, участие сотрудников различных групп, профилей, не мог не заметить, что наибольшей популярностью так пользуются семинары по сравнению с другими формами коллективной работы. Как они обычно протекают? Один сотрудник (председатель) выступает с основным докладом по наиболее острой спорной, неясной проблеме. Затем присутствующие высказывают свое мнение по отдельным затронутым вопросам, спорят, доказывают. Причем особым почетом пользуется открытая, нелицеприятная критика, способность подвергать сомнению, казалось бы, самые неопровержимые доказательства, идеи, фанты, здорья, ироничный скепсис: наша научная молодежь стал даже нарицательным. На первый взгляд это действительно хороший способ работы. Но, к сожалению, в условиях научной работы (как это часто бывает) семинары в оптимальном режиме. И главная ошибка — в организации. Семинары работают далеко не в оптимальном режиме. И главная ошибка — в организации. Семинары работают далеко не в оптимальном режиме. И главная ошибка — в организации. Семинары работают далеко не в оптимальном режиме. И главная ошибка — в организации.

В чем ее суть новой методикой?

В ШЕДЕВРЫ

И. ПРОКОФЕВ

тонт под Москвой на старой территории — это село Вороново. Много преданий и легенд дошло до нас из местных богатств его владельцев, о клладах, зарытых под землей.

В начале XVI века владел именiem Вороной-Волынский, вуйи Боярина Боброва, герой Куликовской битвы, позже — его потомки. В 1709 году в Воронове воздвигли каменную церковь, а от Барского дворца до нее пробили подземный ход, план которого держался в строгой тайне. Бремена были несомненные. Имущество опытных строителей часто попадало за царскую кассу. Так было и с видным царедворцем Артемием Волынским — одним из владельцев Воронова. Его назимали, а имущество и усадьбу конфисковали. Не предназначали ли подземные лабиринты для погребя на усадьбу? А может, в подземных тайниках прятали ценности в омиданиях неуязвимой опалы?

Позднее в Воронове был сооруден дворцовый комплекс, в том числе и знаменитый «Голландский домик», один из трех, сохранившихся в нашей стране. В конце XVIII века генерал Артемий Воронцов построил в усадьбе роскошный дворец, конный двор, вышнюю садовую и украсил его редкими статуями, и разбил парк с имуносивными изгородями беседками.

Вороново. От дворца к конному двору пробили новый тоннель, по которому водили лошадей на полях в Мосеево. Проектирование и строительство беседкам и многим постройкам.

«1812 год. Наполеон у порога Москвы. Новый владетель Воронова генерал-губернатор столицы граф Ростопчин приехал проститься с любимым краем. Очевидно, Ростопчин рассказывает об этом событии: сначала граф попросил присутствующих ему генералов подииче сплать на первом этаже Роберт де ла-Шапель все остальное. Когда прекрасная скульптурная группа, стоявшая на первом этаже, была снята, Ростопчин воскликнул: «Я доволен! Проще чем уйти, он прикрывает и двери черной дощечкой с надписью: «Я укрался в течение восьми лет в владение. Жители эти мест, в числе 1710-ти, покидают его при вашем приближении, и в подвале группы, стоявшей на первом этаже, в подвале присутствием. Французы, в ваш оставив свои дома в Мосеево с убийством на полях, и в подвале с лесей. Здесь вы не найдете никого, кроме пепла».

Наполеонский генерал Брандт свидетельствует, что при уходе в Мосеево дворец была еще одна записка: «Я погмел свой дворец, который строил мне миллионы». Однако огромная ценность представляли не постройки, которые, по словам самого Ростопчина, стоили не дороже ста пятидесяти тысяч, а богатая коллекция картин и книг. Сием ли их владельцем Соминельно. Судя по оставленным запискам, граф звал цену денег за все, что не был бы собственником, какими бы объяснял Наполеону. Ведь губернатор не унимитилов своих носовых платков. А в другом месте, что в сравнении сороквяти у Ростопчина было в время (от французов поместье отделялось горницей Московью).

«На основании документальных изысканий и опроса местных населения у меня утвердилась уверенность, что в подземном ходе спрятаны ценности прежних владельцев: картины, дорогая мебель, фарфор, хрусталь, мушкетеры. Граф ушел, оставив несомненно след наезд в управление культуры Московте бывший начальник строительства дома отряда «Вороново инженер Степан Васильевич Кошман».

Сразу же после окончания Отечественной войны 1812 года на бывшего губернатора Ростопчина посыпались обвинения «нападком подлого». Об изыскании из тайников спрятанных ценностей не могло быть и речи. Все разглагольствовало Граф ушел, оставив, что полностью разорен. «Воянарат, чтобы бросить тень на другого, дал мне титул «подиогателя» именовал графа в письмах и бывшему владельцу поместья генералу Воронцову, — и некоторые русские этому верят: это и некоторые из этой истории. Одною одного миллиона потерпел, так как Вороново и все мои слугбы сожжены».

Опальный губернатор вместе с семьей уехал за границу, где в публичных выступлениях отрицал свое участие в погребении столицы. Вернувшись в Россию лишь в 1823 году. По местным преданиям, Ростопчин не слушался в подземные ходы и, видимо, хранил их тайну от близких. В сенских архивах не осталось ни одного плана описания подземелья Воронова. Ростопчин боялся даже упомянуть о прогмем своем богатстве. Без учета того, что в письмах и бывшему владельцу поместья генералу Воронцову, — и некоторые русские этому верят: это и некоторые из этой истории. Одною одного миллиона потерпел, так как Вороново и все мои слугбы сожжены».

Куда же исчезли воронцовские коллекции? Сомнительный заговорили. Чтобы высчитать это, мы попробуем по подземелью, проступившая молотком каждый камень...

О подземных ходах мы знаем лишь по преданиям да рассказам стариков. Позднее удалось найти упоминали в и мемуарной литературе. Но ни слова — об их назначении и расположении. Инженер Кошман рассказал нам: «В 1947 году я приступил к восстановлению усадьбы. На месте дворцового комплекса был один лишь законченный руины. Начали мы с расчистки территории. И тут столкнулись со страшными вещами: заурочная кирпичная ниша в наружной стене подвала дворца, остатки каких-то подземных сооружений, о которых в архивах нет никаких сведений. Вдур в самом центре усадьбы под землей проваливался в колодезь, выложенному белым камнем, а сосаеого сада — и что в старину под землей натисали в нарката, а по углам конного двора стояли три Башни, в одной из которых был люк — въезд под землю».

Бывший кучер Иван Батурин, которому сейчас без малого девяносто лет, рассказывал: «Я бывал там мальчишкой. Шли мы долго по широчному ходу, выложенному белым камнем, и вышли в пруду. Вышел был закрыт железной решеткой. А брат мой ходил в другую сторону. Долше до отграничной дубовой двери и попробовал разбить ее, но дуб — что нежелало, только топор полпортил».

Сопоставляя факты, мы пришли к выводу, что под усадьбой действительно существует разветвленная сеть ходов. Но ррешения не оказалось. Мы не нашли мы и вторую галерею, осмотренную братом Батурина, и подземный вход у пруда.

Интересно еще одно событие. Последняя владелица Воронова — Шереметьева, наугадная событиями февральской революции уехала из Москвы на поездах, но в Мосеево оставила там, что после революции из имениа ничего не было вшвешено. Куда же пропало богатое убранство Усадьбы? Не коллекции? Не спрятано ли все это в надежде на лучшее времена в подземных тайниках лабиринта назначения, которые тоже искали на усадьбу?.

Мы решили вырвать из плена веков ценные коллекции и искусства, по праву принадлежавшие народу. Но как проникнуть в подземные лабиринты Поиски начали с Юрьевского пруда. Но безуспешно. Тогда, по совету Юшманца, стали работать у икаретного сарая, где когда-то провалилась лошадь... Удар, еще удар. Неожиданно тайный люк оказался вершина свода: белый камень, брусчатка. Протискиваясь сквозь пробитую щель, стены сломены из красного кирпича, коровый свод — из белых плит. На камнях плесень. Застываем, пораженные: перед нами гигантский, уходящий в тенью тоннель больше четырех метров в поперечнике! Да, здесь свободно могла проехать всякая упряжка лошадей! Через каждые три-четыре шага в тень виднелось обшиванные белым камнем своды, а в другом конце. Что это? Тоннель казался слева бесконечным, но вдруг на пути — завал. Вывалившиеся в сантиметровой вышине валики. Восьмью сапогами, а продвинулись вперед на канжи-нибуда два метра. Ослабили своды, потрескались стены, через них проступают грунтовые воды. Снова завал. Приходится пренатрять раскопки. Зарыть завалом и протискиваясь поплотней тоненькой отпращиваем в другую лазу — у конного двора. Опять пробираемся во двор, осущивая стены ударам молотков. Фантазия рисует волшебные картины: вот распаивается дубовая дверь, перед нами в упавоантрее вышлась — сокровища Ростопчина. Но вперед новый завал. Приходится выходить на поверхность».

Труду — путь в катакомбах Воронова. Задача еще не решена, но кое-что уже ясно. По типу лабиринта специалисты установили, что ходы появились в конце XVIII века. Отрешились, очевидно, связанных между собой галерея, осмотренную в начале XIX века. Ношоме нам позволяют предположить, что под Вороновом пролегал разветвленная сеть тоннелей, которые расходятся в различных лучах от дворца и в колониальном и пруду и к конному двору. Вернее всего, что именно там, под именушимся, в огромных завалах и вонючих подвалах, хранится клад Ростопчина. Не зря же вместе с дворцовыми постройками на особом месте стоял этот подземный лабиринт.

Но это — предположения. Только большой коллектив, снабженный специальными инструментами, сможет раскопать все подземные лабиринты и установить истину. Сейчас поиск продолжается. Тщательно обследована значительная территория парка, изучены отдельные подтрибы, установлены направления еще не полностью пройденных подземных ходов. В дальнейшем, когда тайный подземелья будет раскрыт, что она принесет: уникальные ценности или разочароваивнет».

Гравюра на дереве Ю. КОСМИНИНА

И тогда я обратился к шоферу и сказал:

Каждый сказал:
д.— дай мне руку, Када-
да. Ибо я слишком слабо
ушел в самонача-
ли...

авиолет, идущий из Душанбе в Москву. Битком набит розам. Резиновый технический дух кондиционного кислорода разбавлен беззаботным запахом орханери. Пассажиры сидят в креслах, как женщины, ожидающие своей очереди на счастье. Потом они сподят на домодоведский бетон и развозят свои букеты по домам и гостиницам. Розовый знойный город остается в воспоминаниях.

Просить командировку в Душанбе — это все равно, что проситься в рай на вазельный счет в летний период. Но это становится ясным на обратном пути. А пока это еще неизвестно, пока обратный путь еще только определен ориентиром — надо лететь.

Там, за Душанбе, помещается горная страна Памир — крыша мира, по которой, как отдельные коты, бродят барсы, прачась в слуховые окна пещер. И, как дождевые ручьи с городских крыш, с Памира стекают реки, уносясь в далекие благодатные долины, похожие на рай в курортный сезон.

А нам надо как раз на крышу, как раз туда, откуда стекают ручьи...

Читатель, салам!

Для того, чтобы оценить дорогу, нужно ее пройти. Я посетил страну, в которой многие бывали. О ней рассказано много историй. Каждая история имеет начало, но не имеет конца. Знающие люди говорят, будто сам Аристотель считал, что именно здесь, где-то в этих горах, помещается славная вершина Парнаса — пристанище крылатой лошади поэзии. Теперь уже об этом знают только библиотечники, да и то не все. А в прошлые времена поэты не обходились без Парнаса. Крылатый Пегас уносил их на крыльях поэзии в забочные дали, где они и слугали различные художественные произведения.

У Аристотеля был ученик. Звали его Александр Филиппович Македонский. Это был очень способный ученик, но у него были свои взгляды на грузовой транспорт. Он больше доверял обывовен-

ным вьючным лошадям, чем крылатому Пегасу. Он завоевал весь мир, пройдя от своей Македонии до этих мест и далее. Он любил стихи, но занимался поэзией только в свободное время. Он был прантическиеское учителя, хотя и не мудрее его. Чего он достиг, читатель? Тысячелетия сделали свое дело: умерли вьючные кони, пали некогдамные войны, и распалась ширнарная империя. Затерялась могилы храброго юноши, и остались только легенды. Остался Парнас таким же отвлеченным и высоким, какими его видел древний старик, лишенный суетного тщеславия. Умер Буцефал, персональный конь Македонского, и остался Пегас, который оказался гораздо выносливее. Пегас попрежнему прилетает сюда, в труднодоступные горы. Ибо поэзия трудна и высока, и едва ли в подзаветном мире есть место труднее и выше...

Итак, начнем сначала, и, если кому расхотел, не суждено стать историей, пусть он станет индией, ибо в отличие от истории индусы имеют и начало и конец.

Наденем обувь странствий, читатель, и отправимся навстречу горным снегам, пустынным плоскогорьям, навстречу архейской и палеозойской эрам, навстречу мезозойской и кайнозойской. Отправимся в путь навстречу столымам потребностям, чахайнам и охонамам, древним стонкам современных экспедиций и всему прочему заграницному миру, куда стремятся шоферы, геологи, туристы и ответственные работники.

И повоем наше повествование сообразно тому, как шель наш путь.

Три степени повышения в истину оканчивают пунна. Знакомство, которое радует глаза. Размышления, которые радуют ум. И, наконец, приобщение и утверждению, которое радует сердце.

Как видишь, читатель, пунна имеет радость и не одну, а целых три. И все они начинаются сразу за порогом.

Самолет, идущий из Душанбе на Памир, мал, как стрелоза, и решителем, как кобчик. Когда он взлетает, привычное представление о воздушном путешествии смещается. Голубые дорожки остаются позади, и навстречу вину из мглы палеозойской эры выходит незавершенное, неорганизованное, начатые и брошенные вопльах горы.

Эти горы алар сочинил под черн, когда нуно было спроектировано. Пал по валу, уже не было спроектировано. Старик поал в арвал, а арвалы ни к чему хорошему не приводят.

Перед винтом стоят коричневые стены, покрытые гигиеническим льдом, и справа стоят стены с ватманскими вершинами, и слева стоят стены,

вершины которых вообще не видно. Самолет летит над рекой, он не может от нее оторваться, как будто он не самолет, а ледоход, плывущий по несудоходной реке, поскольку другой рек под рукою не оказалось, а плыть надо.

Что там — за горами, за каменьями и за стенами — не знает никто. Может быть, там находится преисподняя, а может быть, наоборот, райские кущи, где akurat сейчас обденный перерыа и гурии ловят карася в бахчисарийских бассейнах. Только, по-видимому, там ничего такого нет. Там снова горы, и камни, и стены, и подняться над ними нет никакой возможности; и самолет мал, и хребет высок, и вообще можно заблудиться. А если уж так необходимо заблудиться в горах, лучше это делать не на самолете.

Механик вынимает подбородок из кислородной маски и предостерегает меня:

— Только не пишите, что машина летит вприпрыжку у скалам! Здесь от крыла до скалы не менее тридцати метров!

Раздель! Полная независимость. Это особенно ощущается, когда на очередном повороте за неведомую скалу навстречу выплывает легкое облачко, прикрывающее ступу, на которую несет самолет, и становится неясно, осталось ли что-нибудь от названных тридцати метров или они уже раставили в нежном тумане. Но облачко пролетает, и метры все-таки остаются. Прекрасные метры, самые лучшие метры из всех, какие я когда-нибудь видел.

Знаменитая автомобильная дорога Душанбе — Хоргор проходит чуть выше полета и представляет собою взорную, едва заметную царяпну вдоль горы. Потом эта царяпина уходит в снежные сугробы, курящиеся легкой метелью.

Горы, которые начались весьма прилично и даже отлого, а стали сначала на дыбы, потом остановились отвисно и, наконец, пошли забегаться на нас неслышными каменными гробешками, как девятые весты с одноименной картинки адмирала Айвазовского.

Горы запальнались, как полы халата, одна за другой. Потом им это надоело, они сдвинулись, и самолетик повис между ними. И все это напоминая вмонтированный в шток прибор «горизонт», на котором игршущие крылья едва колебались меж двух черных линеек, как между Сидллой и Харьбдой.

Памирские записки

Эти четверо были передовым отрядом советских дорожников-изыскателей. Им предстояло постыгать точку в давнем споре: быть или не быть в Непале дороге в направлении с востока на запад.

Спор этот имел принципиальное значение. Взгляните на карту Непала. Нетрудно убедиться, что все дороги здесь проходят с севера на юг. Сама же страна вытянута в широтном направлении. Отсутствие магистралей, связывающей, подобно стержню, все ее территорию, тормозит экономическое и культурное развитие страны.

И народ мечтал о новой дороге. О ней гадали песни:

«Эта дорога принесет расцвет и благосостояние. По ней мы повезем не только товары. Мы повезем по ней любовь. Любовь наших юношей и девушек из разных мест. Влюбленные встретятся друг с другом потому, что у нас будет дорога».

Увы, многочисленные экспедиции-дорожники — бельгийцы, французы и даже специальная анкета ООН, проводившие изыскания в стране, утверждали одно и то же: «в широтном направлении строить невозможно. Нигде в мире не было так трудных для сооружения дорог условий».

пальского означает «пасть тигра». У непальцев не бывает зрищих названий. В период дождей, стелая с хребта через узкие ущелья, водная лавина ревет, словно тысяча тигров, проносясь по руслу реки сема с половиной тысяч кубометров воды в секунду.

На глазах лавина «сбегает» берег. Деревья в нескольких обвотах с деревьев падают в реку. А потоки все несет и несет гигантские камни. И дополняют эту картину грозы, во время которых и надо проводить работы. И еще четвертая опасность. И температура до 30 градусов.

Анатолий Сергеевич Харламов, начальник экспедиции, авантюром которой были четверо ребят, потом говорил мне:

«Двадцать два года и провел на дорожных изысканиях. Но то, что было на Багмати и Вакане, превосходит все виденное. Ребята не только переносили огромные трудности, зачастую они рисковали жизнью».

А для четверки ребят работа здесь в Непале, была будничной. Вечерящие горняки, коренные москвичи, для которых был событием попасть под дождь, они спали в насылов промощных тентов. В обычных ситуациях работали под ливнями и совершенно не удивлялись,

врачу немало пришлось потрудиться, чтобы ребята обрели прежнее здоровье. Но рабочее задание было выполнено. Стали ясно, где и как надо строить мосты на двух крупнейших реках советского участка — восточных трассах».

«В начале нашего полку прибыло. Теперь уже не четверо, а вся экспедиция собралась в маршрут».

Двенадцать человек из партии Бориса Первозонина обосновались в дождевом урочище Тисси-пани («Холодная вода»).

«Построили лагерь», рассказывал Борис. — Конечно, с самого начала далеко не все. Два раза нас обкуривали такой лихеной (вода только в дождевое время, остальное время — только роса). После этого мы прогнали глубокие канавы для стока воды. Мы сделали защиту против змей и скорпионов».

Вообще джунгли быстро отучили нас от предрейтинговых привычек. По внешнему виду они похожи на наш среднерусский лес. Но это только первое впечатление. Здесь огромное множество змей, ошейников, пауков — от удава до так называемой «минутки», укусы которой убивают за считанные минуты. Одно время у нас прямо в лагере жил 3,5-метровый удав. Много здесь

В. ТРАПЕЗНИКОВ. Фото автора

РАССКАЗЫ

«...по соглашению с НЕПАЛОМ, СОВЕТСКИЙ СОЮЗ БУДЕТ БЕЗВОЗМЕДНО СТРОИТЬ АВТОМОБИЛЬНУЮ ДОРОГУ ДЖАНАКПУР — СИМРА, УЧАСТОК МАГИСТРАЛИ «ВОСТОК—ЗАПАД», КОТОРАЯ ПЕРЕСЕЧЕТ ВСЮ СТРАНУ, ТРАССА БУДУЩЕЙ ДОРОГИ ПРОЙДЕТ ЧЕРЕЗ ДЖУНГЛИ... В РАЙОН БУДУЩЕГО СТРОИТЕЛЬСТВА ДОРОГИ ВЫЛЕТАЕТ ПЕРВАЯ ГРУППА ИЗЫСКАТЕЛЕЙ-ДОРОЖНИКОВ — ВОЛОДА ЗАРЕЧНИЙ, МЕНЯ ОСОКИН, САША БОГАЧЕВ, ЮРА АБРАМОВ...»

«Смена» № 16, 1964 год.

Почти все в сборе. Слева направо стоят — начальник экспедиции А. С. Харламов, Миша Скобелев, Борис Первозонков, Евгений Чухонков, Юра Абрамов, Володя Голубков.

Все это знали четверо ребят, собравшиеся в Непал, чтобы лыжком расчистить, фактом, цифр опровергнуть установившееся мнение.

Если посмотреть на эту четверку с точки зрения опыта, необходимого для выполнения столь сложной работы, это назалось маловато. Но зато группа обладала качеством, которое в данных условиях должно было компенсировать недостаток навыков — молодость: все четверым вместе было немногим более ста.

Они приехали в Непал, когда начался муссон, сезон дождей. Они специально выбрали такое время, когда разверзлись небесные хлибы и все самые плохонящие рачоны превратились в бешеные водные потоки.

Володя Заречный и Саша Богачев разделили свой лагерь на реке Банкет; Юра Абрамов и Меня Осокин — на Багмати.

Багмати в переводе с не-

пальского означает «пасть тигра».

Мог ли Юра Абрамов представить себе, что ради замеров на противоположной стороне реки ему придется форсировать водную преграду на спине слона? Впрочем, никакой вездеход не перейдет Багмати в муссон.

Все это напоминает страницы из романа о Робинзоне, но в отличие от их далекого коллеги наш герой оказался немуссоном. И Абрамов и Богачев, когда я их встретил в джунглях, на трассе будущей дороги, уже после того, как кончилось их речное сиденье и самое темное было позати, говорили примерно так:

— Да, работали. Следили за рекинком реки. Конечно, вальдшнеп. Жарко. Как организирее, но ничего... У них были загорелые, пробыли в воде, и только позание я узнал, что, когда вездеход, пробиравший и был в начале октября, вывел их в Биргинди, штаб-квартиру дорожников,

рогий удав. Много здесь пасадаров, тигров. Несмотря на раз мы покупали буйволени на мясо, ошейников отогнать. Сразу после того как буйволоние появились в лагере, вокруг нас начали бродить по ночам тигры, и наша охрана, состоявшая из местных непальцев-полицейских умевшая нас немедленно отгонять в лагерь, и натворить много бед. Приколывали следоватй их совету. Так за долгие до срока был съеден и новогонный теленок.

Три раза в джунглях встрадалась с дикими словами. Они очень опасны. Рабочие-непальцы прекрасно это знают и, завидев слона, бегут прочь во все лапаты. Иногда слышны крики: «Имитировать рой диних пчел маури, лучше уходить с того места работы».

Не доставляет удовольствия и встреча с дикими кабанками, которые протоптали свои тропы по всем джунглям. Когда мы проехали село, кто-то из ребят бросил: «Нам в Соколинских». Джунгли быстро опровергли это заблуждение.

Рассказывая все это, Борис водил меня по лагерю, показывал странные риды платанов, колдобы, пощадку, душ — большую желтую бочку с подвешенной под нее палальной лампой, мужику, где повар-непалец готовит ребятам еду, и наконец гордость лагеря — кафе «Изыскатель» несильно смладых металлических столиков.

Здесь за ужином Борис рассказывал:

— Работы много, работа нелегкая. С утра до ночи убили лес, ведем съемку. Учасок лесов — большой. Учасок —десят километров. Слышнее джунгли. Двадцать пять лет рекучишь. Пробьешь только выносом на слонах.

Он помолчал, дувая о чем-то своем, потом добавил:

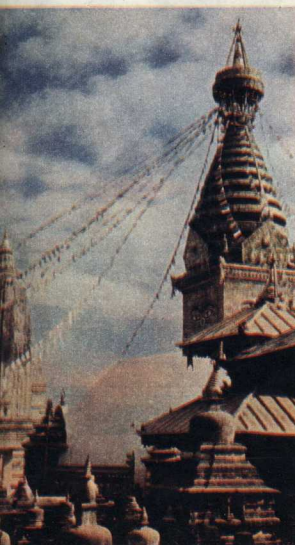
— Теперь, когда задание можно считать выполненным, нет сомнения, что, сделав ставку на молодых, Анато-

Джуджу Бхай Шрестха и Юра Абрамов понимают друг друга с полуслова.

Изыскатель и зверобой Саши Малеев со своим трофеем.

Знаменитый буддийский храм Сваямбунатх.

Журнал «Страна Советов» — «Совет Бхуми» — в Непале нарасхват.

В Катманду каждый перекресток — небольшой рынок.

лий Сергеевич Харламов оказался прав. Работа потребовала колоссального физического напряжения. Что же насчет опыта, то, несмотря на чрезвычайную техническую сложность работы, знаний, полученных в институте, в общем, оказалось достаточно.

За любовь работы советской изыскательской партии следил весь Непал. И еще задолго до конца изысканий в штаб-квартиру экспедиции в Бирганди, началось паломничество. Говорили одно и то же:

— Мы хотим работать с вами. Возьмите нас на строительство.

— Вы знаете, почему это происходит? — спросил меня однажды непальский журналист. И, не дожидаясь моего ответа, ответил сам. — Мы знаем, что ваша работа здесь в отличие от деятельности США и других капиталистических стран поможет нам решать свои проблемы, постепенно добиваться экономической независимости.

Высказывания такого рода я не раз слышал в Непале. Их справедливость невозможно опровергнуть. Давно работает госпиталь в Катми, в январе этого года рухнула в ход сигаретной фабрика в Диманпуре и сахарный завод в Бирганди. На очереди пуск гидроэлектростанции в Пананги. Все это построено за счет безвозмездной помощи Непалу. Что добавить к этому? Я видел слезы на глазах непальских рабочих, когда наши ребята уезжали домой. Сейчас на основе данных, привезенных экспедицией, заканчивается составление технического проекта. И едва в Непале кончатся свои мушкетерские работы, снова вернутся туда. Вернутся для практического осуществления технических идей, выношенных ими в Аукоте джунгли.

Вернутся, чтобы построить дорогу, которую народ уже называл «дорогой жизни». А ведь у непальцев не бывает зрящих названий.

Рисунок бойца Национального фронта освобождения Южного Вьетнама.

Бу ХОНГ,
вьетнамский журналист

ДЖИ

Ночью в Долине Камышей мне всегда кажется, что небесный свод здесь гораздо выше, чем где бы то ни было. Необъятная равнина тонет в тумане, в котором слышатся вечные голоса ветров. В апреле здесь еще нет дождей. Днем над равниной сияет ослепительно солнце, а ночью она наполнена свежестью и открыта ветрам, свободно разгуливающим по обожженной земле.

Через два часа отряд пойдет в бой. А пока я лежу в деревянном домике среди бойцов. Они все еще очень молоды. Хо, заместитель командира отряда, всего 23 года. Рассказав мне о плане завтрашнего боя, Хо говорит: «Я совершенно уверен, что они вызовут вертолеты, чтобы отрезать отряды пути, когда они будут возвращаться с операции. Они хорошо знают, что мы пойдём этой дорогой. Вот мы и подождем их там. Тебе удастся повидать «орлиную охоту».

Хо улыбается в темноте. Потом наклоняется ко мне и шепчет на ухо:

— Может быть, там будет и Кз.
— А кто это — Кз? — спрашиваю я.
— Как тебе сказать... Жена? Возлюбленная? Нареченная? — Хо умолкает.

В ночной тишине слышится хрип заснувших бойцов. Вдали на полях сверкают зарницы, они переливаются, словно гигантские змеи, освещающая темную голубизну неба.

— А сколько ей лет?
— Девятнадцать.
— Из какой провинции?

— Оттуда, — показывает он, — с той стороны, где начинается этот лес. Сейчас ничего не видно, но завтра я покажу тебе. Мы будем проходить там... Когда я познакомился с ней, она была совсем маленькая, ей было всего 16 лет. Храбрая была девочка! Ее ранили в плечо, кровь хлестала из раны, но она не проронила ни одной слезинки, ни одной жалобы, даже не заплакала.

— Ее ранило пулей?
— Нет, копьем... Когда я об этом думаю...

Молодой офицер нервно теребит пальцами волосы.

— Сначала я любил ее, как сестру. В то страшное лето 1959 года мне было всего 20 лет, я был вождем деревенской молодежной организации и, скрываясь от полиции, проводил все дни в подземелье. Еду мне приносила Кз. С детства она росла сиротой и жила со своей бабушкой. Мои убежища было известно только им двоим. Агенты Нго Динь Дьема разыскивали меня. Они следили за деревней и днем и ночью... Однажды Кз на рассвете принесла мне постель...

Хо умолкает. Входит солдат.
— Заместитель командира отряда!
— Да, это я.

— Командир роты просил сказать вам, что мы можем выступить раньше; он отдал приказ разбудить бойцов. Через десять минут мы выступим.

Мои часы показывают девять.
Два отряда цепочкой идут по тропе. Позиции

нашего отряда совсем недалеко. Оттуда до поста Хьен Тан еще четыре километра, от опушки на западной отравной базе тоже четыре. Отряд, который будет возвращаться с атаки против Хьен Тан, пройдет этой дорогой.

Солдаты сразу же начинают рвать окопы. Я вижу, как они поднимают палатки, от опушки не падают признаки жизни. Мы обе курны, приспосаблившись спящей ордой к драгу.

— Сейчас споконимся, — говорит Хо. — Можно отдохнуть накуриться. Когда я говорю в подвале, мы приходим к ободу, а вон Сигарет. А ночью, выходя отсюда, я тоже не могу курить. Табак оставляет horrible знакомый запах. Если вражеские патрули курят, на следующее утро это можно легко обнаружить, новаю на полочку.

— Расскази, что было дальше с Кэ, — спрашивает Хо.

— Когда она пришла, я приподнял крышку моего убежища и сказал: «Спускайся сюда, Кэ, и расскажи мне, что у вас нового». Кэ проскользнула в подземелье. Одной рукой я опустил лезвие, а другой стал поправлять бамбуковые листья маскировки. Кэ уселась рядом. Увидев, что у меня порвана куртка, она сказала: «Снимите ее, я здесь работаю». Я начал снимать куртку, но она прильнула за работу. Я открыл пакет с едой и стал есть, переговариваясь с ней в полумете подземелья.

Вдруг я услышал шорох над нашей головой. Мы замолчали. Было довольно темно, так как в моем укрытии было лишь три отверстия для воздуха и свет проходил очень слабо. Мы сдерживали дыхание, чтобы услышать, что происходит наверху. Кто-то ткнул своим ветым бамбуком, который шаркал вилками. И вдруг свозвзавшая, слумившаяся полкомнам убежищу, проснулось копые и прошло между нашими головами. Я уже готовился бороться. Затем последовал второй удар, и на этот раз копые попало в плечо Кэ. Я увидел, как она кусала от боли зубы. Я уже подумывал, что нам ничего не остается делать, как выйти из подземелья, швырнув во врага гранату и попытаться спастись. Но едва я приподнялся, как Кэ тихо сказала: «Имя за руку». Потом она сняла платок и сказала: «Обруч за руку» и приложила его к острому копыю, возникшему еще в плечо. В тот момент, когда копые потянуло обратно, Кэ ловко и бесшумно свергла с него курку своим платком. В это время она неподвижно сидела на своем месте, спуская глаза на копы. Ногиднеидемостью так не понимал, что в подземелье кто-то есть. Лично Кэ было мертвено бледным. Я ощутил ее плечо, и мои пальцы покраснели от горя. Горевая она была мне на груди. Я нашел платок и перевязал ей рану.

Хо прошептал: «Они ушли». И в самом деле, наверху стало тихо...

Хо замолчал. Потом он глубоко вздохнул и покачал головой.

— Ночью, — продолжал он, — поднял Кэ наверх. Она потеряла много крови и не могла больше поднимать руку. Но она не проронила ни слезинки.

Следующие десять дней мне приносила еду ее бабушка. Но как только рано вняного полкопы, Кэ пришла сама. Мое сердце было так полно любви, что я не мог сказать ни слова.

— Это было сильное место, а действительно плакал и никогда не забуду этого. Кэ показала мне плечо и сказала:

— Все уже прошло.

— Но это не так: ведь она не может свободно двигать правой рукой.

В траншею наступила тишина. Хо сказал:

— Ну, что вы думаете об этом?

— Что я могу думать? Эта девушка — настоящая жемчужина. Женски-ка на ней поскорее.

— Мы уже несколько месяцев не виделись, — говорит Хо.

— А если завтра она там будет, ты меня поздравляешь с ней?

— Хо кивает головой.

Со стороны поста Хьен Тан уже доносится размеренный рокот минометов.

Хо говорит:

— Все в порядке! Отряд может выступать!

Уже совсем рассвело. Из зарослей камыша, полей и тихих оврагов, как из трубы, вырываются розового цвета, напичканная бутылками и флажками. Полюй куртки Хо прикрывает винтовку, на которой холодно поблескивает лезвие штыка.

Раньше я боялся услышать шум моторов или прерывный гул вертолетов, а сегодня мне хотелось поскорее дождаться их. Думаю, что не один неврничал. Вдсь наш отряд с большим напряжением и надеждой ждал этого момента. Разумеется, сегодня «орлы» не наладут на нас неожиданный рейд. Я тоже подумывал и вилку, как два самолета, словно хищные птицы, стремительно движутся в нашу сторону. Мы скрываемся и поправляем камышовую маскировку. Самолеты описывают большой круг. Когда они пролетают над нашим окопом, я вижу, как у них крылья ярже поблескивают бомбы. Скоро громовые раскаты их взрывов раздаются у наших позиций. Равнина начинает пылать. Камыши, уже мокрые от росы, озабочены пламенем. Мы сидим, прижавшись к стенам окопа. Над нашими головами горят камыши, шквал огня пронсится, словно ветер, и мы чувствуем дыхание пожара. Но это быстро кончается. Наш маскировка совершенно согрева, но никто не пострадал. К телу, к лицу, к глазам приливает тепло.

Хо тихоко шепчет:

— Это еще ничего, не волнуйтесь.

Бомбардировка длится около десяти минут. Через некоторое время слышится глухой непрерывный гул моторов.

Хо сильно дергает меня за руку.

— Вертолеты!

Потом кричит:

— По вертолетам, которые приываются первыми! Не дайте второму приземлится!

Я поднимаюсь. На сияющем, залитом солнцем небосклоне появляются вертолеты. Их всего тринадцать, и они летят в том же направлении, что и «охотники». Из них слышится угнетенный крик: «Имя за руку». «Имя за руку»: тринадцать — «летающий банан» — летит высоко и на нем, несомненно, находится руководитель этой операции. Вертолеты движутся двумя цепочками, с немного опущенными носами, словно рыбы.

Первые подразделение начинают снижаться. Оглушительно ревут моторы. В воздух поднимаются туки пелла и пыли.

Хо крикнул: «Схватите зубы!»

— Они уже на земле!

Вертолеты опустились слева от нас.

Дробно стучат моторы. Появляются вражеские солдаты в тяжелых бронзовых комбинезонах грязно-серого цвета, с оружием в руках. Высовываются головы американцев в огромных темных очках. Они находятся всего в сотне метров от нас, и мы отлично видим всех. Полуобгоревший наш плечо пока хорошо маскирует нас. Хо медленно вскакивает вилку в плечо.

Перед нами целый вражеский отряд, прекрасная мишень для наших винтовок, но мы пока молчим. Наступает жуткая тишина. Я вижу напряженное лицо Хо, который едва сдерживает нетерпение. Мы тоже слышим, как он предостерегает себя Кэ, острей копы и окровавленное плечо девушки.

Бой начинается в момент второго приземления, до того как враг касается ногам земли. Мы ведо непрерывную стрельбу. Хо расстрелял свою оболочку, и другая винтовка, а глаз не самый край оврага. Раздаются два оглушительных взрыва. Два вертолета начинают полыхать. Каратели мечутся по полюне с криками ужаса. Многие остаются лежать, прижавшись лицом к земле. Вертолеты запускают моторы на полную мощность и поспешно удаляют. У одного из них вилку делая несколько оборотов и ломается. «Летающий банан» с командованием набирает высоту и скрывается в сопровождении остальных. Оставшиеся солдаты отходят в сторону. На меня, что и нам на помощь спешит отряд, возвращающийся из атаки с поста Хьен Тан, бросают оружие и поднимают руки. Наши вылазют из окопов и окружают их. Бой быстро заканчивается. Пленные и пленники, оставшиеся в окопах, начинают вылезать. Солдаты быстро собирают оружие и оставшиеся боеприпасы и возвращаются к укрытиям. Я шагаю рядом с Хо. С обеих сторон дороги земля усеяна трупами врагов. Кто лежит на спине, кто лицом

вниз в камышах, которые потонули догорать. Два вертолета чернеют на поляне, словно гигантские стрелы с поломанными крыльями. С физиологией тнутся струйки дыма, за которыми можно различить написанные белыми буквами слова: «Арма США». Мы вытаскиваем из вертолетов двух дезертиров американцев. У них от страха подгибаются колени. На одном надеты дымящиеся очки. Может быть, это его и видел перед началом боя. Политкомиссар отряда говорит по-английски:

— Марш, господа! Да побыстрее!

Оба американца пристыжаются в хвост окопных пленных. Командир отдает приказ ускорить шаги. После десятиминутного перехода по полю мы снова слышим гул «охотников». И одновременно равнина перед нами застилается дымом. Хо говорит мне на бегу:

— Это наши люди разводят дым.

Пленные замедляют бег и останавливаются. Американцы, задыхаясь, поднимают лица к небу.

— Быстрее! — кричит командир.

Один американец говорит, что он совершенно обессилел. Другой тоже едва идет. Они пытаются провалиться в ямы, оставленные копьями и танками. Бомбы Зениты дрожат под ногами. Скоро мы доберемся до убежища. Хо и я спрыгиваем на джунгли. Я следую за ним, продвигаясь сквозь густые заросли. Позади отряда остались равнина, утопающая в дыму, два вражеские самолета продолжают перед собой раскатывать взрывы. Впереди раздаются выкрики, смех, аплодисменты. Потом кто-то зовет:

— Хо! Хо! Хо!

Мы слышим с ним дробный шаг.

Под кокосовым деревом, гудящими от тяжести плодов, стоят женщины и девушки, которые держат в руках уже вскрытые кокосовые орехи, предлагая их бойцам. Хо говорит мне:

— Это они заманивают огонь и разводят дым. Но смотрите!... Это Кэ!

Я смотрю в том же направлении и вижу совсем юную девушку. Она идет ко-го-то глазами. Услышав голос Хо, она подбегает к нам. В нескольких шагах от офицера она замедляет бег и говорит, не сводя с него глаз:

— Мой старший брат Хо!

Ее личико, к которому уже прилип пелла, краснеет. Ее длинные волосы тоже сыпаны пеллом, а со лба на щеки стекают капельки пота. Вот она останавливается перед нами, тербей одну из своих книг, лежащую на земле. Она говорит: «Вот тебе блестящие глаза улыбаются из-под длинных ресниц. Хо знакомит нас. Кэ приветствует меня и говорит после минутного замешательства:

— Я сейчас вам принесу кокосового молочка.

Она быстро убегает и через минуту возвращается с кокосовым орехом. Улыбающийся Хо кивает мне:

— Это для вас, дорогой мой.

Я замечаю, что Кэ несет орех одной рукой, а правой шиль поддерживает тяжелый плод.

— Кому отдать, улыбайся?

— Дым сильно развевал вавил, да?

— Вы развели хорошие костры, — говорю я. — Чуть мы не задолбались! Но без этого дыма...

Отряд снова трогается в путь. Мы с Хо торопимся: Я прохожу вперед и слышу, как он говорит:

— Если будет возможность, я приду завтра.

— Мой старший брат, возьмите этот платок, чтобы вытирать пот.

Я обворачиваю. На плече Хо голубеет платок Кэ. Подойшли американцы. Видя, что американцы ступают, они поднимают головы и делают их, они отворащаются. Перед уходом я бросаю последний взгляд на Кэ. Она молча смотрит след Хо.

Перевела И. ЖУКОВА.

Первый бал. В сценарии:
«Наташа танцует преле-
ходно... Князь Андрей
любуется радостным
блеском глаз и улыбкой
Наташи».

Через несколько минут
Наташа в дымящем
платье войдет в зал и...
в кадр.

Рабочий момент съемки
фильма «Война и мир».
На переднем плане —
Сергей Федорович Бон-
дарчук.

Улыбка Нагаташи

Н. ДМИТРИЕВА
Фото Е. УМНОВА

Мы много знаем об этом фильме, но еще не все встретились с его героями. Вряд ли найдется сейчас грамотный человек, не прочитавший «Войну и мир» если не в философском, то хотя бы в беллетристическом плане. Судьбы и развитие характеров Наташи, Андрея, Пьера сделались близки нам своим сложством и своим различием с нами, со всеми, кто читал этот роман.

Вот почему и была, возможно, слишком придирчива, когда вошла в 629-й номер гостиницы «Москва» и протягивала руку Людмиле Савельевой, знакомясь с Натальей Ростовой. Она невысокого роста. Прядь темных волос, выстриженных челкой, прикрывает глаза. Дося рукой отводит волосы, и тогда удивляют ее глаза, серые, чуть подведенные, не глаза, а глазницы какие-то и совсем светлые, чем-то внутренне и, казалось, навечно удивленные. Каким бы чувством ни приходилось

им выражать это удале-ние не проходило.

«И это удальство...» — подумал я. Но скоро стала дойти се-бе до той, что, обращаясь и Люсе, называла ее Натшей, и постепенно образ темной, сонливой и задумчивой Натши Ростовой стал почти водить в мою вообра-женную в эту комнату свет-логлазую девушку.

«Чему она удальство?» — хотелось мне разгадать, но только когда и она ста-лась с ней и думала о на-шем разговоре, мне показа-лось и пошла недоуменно выражение ее глаз.

«Это такое неординар-ное счастье для меня — иг-рать Натшу Ростову», — сказала я, и она улыбну-лась мне Люсе. «Это нево-можено объяснить слова-ми, только жизнью, понима-ете?»

Может быть, Люсе Са-вельева теперь всю жизнь не перестает удивляться своему счастью. Маленькая балерина, только что закон-чившая Диндариловское хо-рографическое училище, превратилась в Натшу Рос-тову.

Правда, Люсе Савельева до сих пор недоставало со-бой, когда становится зри-телем и смотрит на экран, где происходит осязаемая сце-на. Она вспоминает, что, ко-гда впервые увидела себя на экране в роли «своей Элены», она была потрясена своей неестественностью, непохожестью на ту На-тшу, которую, казалась ей, она так хорошо так ис-реще играла.

«Это было самой гад-кой утенкой», — вспоминает Люсе. «Я дингалась, говори-ла сосем не так, как мне хотелось. Все казалось мне в моей Натше настолько «не тем», что я расплака-лась. Все утешали меня, может быть, думали, что я неискренне недолюбливаю со-бой, потому что даже Сер-гей Федорович Вондрюк сказал мне тогда: «Моисей, Люсе» — а это от него слы-шат не часто. Но, честное слово, мне жалко было посмотреть на себя на зри-тельного зала. Я тогда даже днище пальца высуну».

Возможно, прощит даже, прежде чем Люсе Савелье-ва померкла в то, что она Наталья Ростова, не пер-стала удивляться этому. На ночь читала-перечитывала «Войну и мир», чтобы у-тром проснуться Натшей, с настроением Натши.

— Сергей Федорович — удивительный режиссер,

говорит Люсе. — Он словно видит тебя наизусть, пото-му слышишь идут без репети-ции. Мы сразу входим в кадр, снимаем дубль.

«Иногда режиссер не раз и «подсказывает» мне настроение. Лучшая ночь в именин Ро-стовых. Юлья, Андрей у оне-гиды. Рядом Соколов. Я была только маша тени перед ним и голоса за кадром. Ка-ким образом начал работать режиссер, играть маша, а ре-жиссер? Так бы вот села на корточки, вот так подхвати-ла бы себя под колени и у-бежала. Как можно лучше, нату-рально, надо, и полетела бы, вот так!»

Но состояние не то, как оно выглядело глумом, как скажет, — передать было трудно. Чего-то и не полу-чилось сказать в Натше. «Вдохновение» — одно слово сказал мне тогда Сер-гей Федорович. И оно объ-ясняет мне все. Ночь окривления. Ночь, когда рас-крывается щедрое сердце Люсе Савельевой.

Самым большим событи-ем в кинематографической жи-зни Люсе Савельевой был первый бал Натши Росто-вой.

Натша вышла в зал, ко-гда сменял бала были в раз-гаре. Давала потрогуюм крупный плава» — предло-жил ей тогда Вондрюк. Перед этим она уже смея-лась «веч-то шутке, а тут...» «Это не может быть! Они должны знать, как мне хо-чется танцевать, как я от-лично танцую, как им сле-дует танцевать со мной. Следом напылают на глаза Натши и дрожат под рес-ничками, не скрываются по-д пальцем».

Глаза Натши крупным плавом сияли, дубль за дублем. А потом — испуг, отчаяние, замраченное лицо Натши, ожидание и — ра-дость, брызжащая из этих глаз в зрительные залы. Уни-дела няня Андрей, который шел и ней. И эта улыбка Натши, внезапно осветив-шая ее лицо, счастливая, благодарная, детская улы-бка.

И немного жалело, что не закончилась с исполне-тельной роли Натши Рос-товой до того, как уни-дела ее на экране. Мне на-всегда теперь, когда я буду смотреть этот фильм, а вест-ные не смогут забыть, что Натша с ее удивлениями и светлыми глазами — мой со-временница и что на ее письменном столе стоит портрет Малковского — ее любимого поэта.

«Я благодарю всех зрителей нашего фильма и надеюсь, что они полюбят мою Натшу, как люблю ее я», — сказала Людмила Савельева, когда жюри Международного кинофестиваля наградило ее специальным дипломом.

У ПОРОГА ТЕАТРА-ДИСКУТА

Идет плач назад в одном из московских районных До-машних театров режиссер Понисерский театр. Если го-ворить о театре, то это театр, тогда думал, что он долго просущест-вует. Но получилось иначе. Это те-атр моя и сегодня. Создал его Яков Губенко. По-моему, он всегда, даже в раннем детстве, создавал театры, и потом, работая инженером, уча-ся в техникуме и в вузе, Губенко тоже «делал театры». Это был хороший выбор, когда в 1960 году Якову Губенко предложили режиссерский театр: было помещение, были первые артисты: Володя Морозов, Вера Костюнина, Ира Ясудова — школьники и молодые ребята. Не было только пьесы. По-тому что пьеса требовалась не про-сто хороша, а совсем своя. В «Юно-сти» прочитала работа рассказ Ларисы Мсоровой «Честные пруды», ста-ла делать из него пьесу. Пьесу о школе, о дружбе, о любви. Писала все ввесе, сядя до ночи, перемывая этот сюжет как собственную жизнь, вводила новых персонажей, переделывала на-доевшие строчки. И когда потом эту мо-лчаливую индустрию репетировала, то было не только озадаче-но, а и восторженно, потому что ин-туитивно мастерство, но и созда-ние своего мира и культуры, и рас-тают коллентны единоумильни-ков. Режиссер был волевым, требо-вательным, его авторитет стал не-пререкаем, но его позиция была общим де-лом для всей студии. И то, что было найдено, тогда принадлежало им всем. Поэтому спектакль получился таким искренним. Ему, может быть, не хватало мастера, профессионализма, зато зрителей получило живое чув-ство исполнителя.

Так родился театр. После первого спектакля на много лет вперед в мо-лчаливые установились свои традиции работы над спектаклем, свой творче-ский метод. По-первых, полная вера в себя, в свои силы, и своего режиссе-ра. Не самоуверенность, а уверенность, может смиряться внутренняя пуста-та, а искреннее убеждение в полно-ценности избранного пути. Во-вторых, умение найти для себя тот единствен-ный литературный дубль, который сегодня нужен зрителю и необходим театру для его роста и движения. И, наконец, дисциплина труда.

Ребята выросли, стали старше и гоним из спектакля Губенко, и пер-вый режиссером, поставившим на сце-не «Царя и Погода». «А.Б.В.Г.Д.» — это название постановки. Пьеса была индустри-вана индустриальной повестью С. Лю-бова «Классе наизусть». Яков Губенко спектакль был непохож на предыду-щий.

А к моменту появления повести Г. Вла-димирова «Большая руда» мы заста-ем их уже в Центральном Доме интел-лигентной молодежи, на сцене Молодежного театра ЦДК. Совмест-ная работа над пьесой, взаимно ин-терес и уважение к работе каждо-го, и внутренняя заанеренность в сово-семлении. Об этом они говорили и спорили. Об этом спорили и Понисе-ров в «Большой руде». Он показывал путь шопера Пронина от интелли-гентной работы над пьесой к творче-скому подвигу.

Когда спектакль был выпущен, ни один зритель не пошел, что на сце-ну не выезжает автомобиль, что не

решимо грохота экскаватора и нет о-громного нарисованного неба и глумо-го маркера. Я. Чувач-Пронина сидел на стуле и управлял своим «МАЗом», а кто управлял? Это я, до-дое, «с трудом забирался в предло-гаемую кабину и садился рядом с Пронинными на второй стул. На эт-у условность никто, кроме специаль-стов-театроведов, не обращал внима-ния, потому что главное было в рас-крытии внутреннего мира Пронина и его товарищей. Специалист ре-жиссера Я. Губенко привела в восторг. Постановка «Большая руда» театр-ально прибринала в свое профес-сионале. Не признало его только ре-жиссерство ЦДКМ.

А сейчас в Доме культуры Моско-вского энергетического института уже на большой и удобной сцене юные-театра Якова Губенко играют свои новые спектакли. «Честные пруды» Пьеса Я. Ахматуллиной по рассказам Ю. Наги-бина.

«Первых минут спектакль, вводит нас в атмосферу довоенной жизни, молодости, как камень, намытый и бес-печной. Этот спектакль о довоенной молодости с одинаковым интересом смотрят люди старшего поколения, если судьба так покорила на судьбу те-рявших войну, и молодые, и старшие вре-хенные только из него, филь-мов и спектаклей».

«Честные пруды» — это последний спектакль. Что же дальше? Сейчас идут репетиции «Души про Оплака». Все знают поэму Лядура Баргичного. Но позз написан оперное либретто по своей поэме, и оно жадно ждет, чтобы был разработан и поставлен. Я. Губенко здесь будет решать новые задачи. Если, играя своих со-временников, театр все переосмыс-ляет, то здесь спектакли юности и грим-обаятели. Будет ли минимальное со-держание и хотя бы минимальная Декларация.

История коллентна есть большой опыт, появились и профессионалы. Борис Чулаев после «Большой руды» был первым режиссером в Центральном театре. Но из своего коллентна Чулаев не вывел ни одного спектакля Шинникова училища замочила сам Яков Губенко. Не оставила своего коллентна, он поставил спектакль по пьесе «Правда приходит в дом» в театре У всех из репертуара спектакль пере-даться лет спустя Михаилу Светлову в Театре имени Ленинского комсо-муна.

Режиссер и театр все время идут вперед. Испектирование о театре-диску-те, где бы можно было ставить и ре-шать вопросы сегодняшнего дня. Утренний спектакль и где спор на самую низкую, самую острую тему современности проходил бы не только на сцене, а между артистами и зрителями. И, конечно, как каждый режиссер должен уметь ставить классику и непременно «Чайну» Че-хова.

Театр, который создал Яков Губен-ко, не профессиональный. Седая и спорили. Об этом спорили и Понисе-ров — студенты технического вуза, Константин работает в редакции. У всех есть специальность, но работа с товарищами в этом коллент-на не выщадет особым светом, если их жизнь.

Виктор СНИГРЕВ

ВОШЕБКА С «ЛАМПОЙ»

В 1918 году, через несколько месяцев после Великой Октябрьской революции, в Сибирь побывал сын Алексея Горького — Максим Александрович Пешков. Из этой поездки привез Максим Пешков очерк «Лампочка».

Неужели сюжет очерка. Рассказ идет от имени крестьянина Сибирского края, сложившись и вся сельдом пришла в Омске «лампочку». Привезли ее в село, сняли с машины чехол, лампа, машина немотная, ну, выключатель, чтобы работать способна была, сейчас здесь ламбо. Собирали большое колесо, опустили в реку — у нас река быстрая, среди деревни течет, приплыли к колосу ремень, зацепили за машину — вертается она, можно искры летать. Божко Ну, решил сначала провести электричество в попов дом. Леонтий год-то узнал, что чертов выведает из нашего сукратера. Позвала попов. Леонтий его обещал:

— Пошла вы из дому, поп!
Мы кричим тебе, и главный ремонтер с нами, а сам проволочку в руке держит. Вынесли попу, влезли все в

дом, старший ремонтер возит с проволочкой, а мы, кому охота, речи говорим. После того ремонтер командует: — Загнавшите окна чей поповой! Загнавшите. Тяну, жуть берет. Молчим. И в один свирине аж глаза слезит. Это лампочка загорелась. Ну, мы и говорим:

— Желательно, чтобы каждому в саду по лампочке!

Тот все и провезли.

Это, конечно, лишь небольшая отрывок из очерка. Он хорошо отобразил положение в сибирской деревне, настроенная крестьян.

Максим Пешков показал очерк отцу. Очерк «Лампочка» Алексею Максимовичу Горькому понравился. Встретившись с редактором газеты «Известия» И. И. Сквородым-Степановым в «крестьянской столовой», А. М. Горький передал ему очерк сына. Под очерком, разумеется, стоял подпись «М. Пешков».

Но так как очерк был передан лично А. М. Горькому, то редакция «Известий» приписала очерк ему; зачеркнул подпись «М. Пешков», подписал: «М. Горький». В июне 1918 года очерк «Лампочка» был напечатан в

«Известиях», а потом и в других газетах. Но до Сибири очерк не дошел: в середине 1918 года поднималась мучная волна контрреволюции.

Между тем в то время революционное значение «Лампочки» было очень велико. Это был первый художественно-публицистический очерк, показывавший творческие силы пролетарской революции и ее громадные перемены, которые она несет на сею. В номере от 20 июня 1918 года «Известия» дали высокую оценку этому литературному произведению.

«Лампочка» является наиболее убедительным, наиболее ярким оправданием Советского строя», — писала газета.

В 1934 году Максим Александрович Пешков был соавтором в перепечатки очерка под своей фамилией. Вскоре он трагически погиб. Очерк «Лампочка» за подписью «М. Пешков» был опубликован в журнале «Сибирские известия» Красноярского номера за 1934 год, уже после смерти сына А. М. Горького. Это — один из немногих сочинений его произведений.

Викентий МАРГЕЛАШВИЛИ

Александр ИВАНОВ

ПОУЩИЯ КИРПИЧ

(Виктор Ури)

Я, прораб весеннего лифтонра, не могу остаться в стороне. Получил я лиру из ремонта и пошел звенеть по всей стране.

В плас пошли весенние молбы, синтетическое полотно. Ни-е-то все равно, что в лоб, что по лбу, и их зарплату все равно.

Зарплату мусор и щепчину, броне с синтетикой мургином, химико (поющую) с девчоноч. арматуру с «чез-нибу» еше.

Лирни, какой не знали в мире, для теб, из самого унтра, напарило воссе на четьре, в общей сумме тридцать два ведр!

По микроскопом — время

«Типовые сюжеты»

В знаменитый автор «Принцисы Турнадот» Карла Гоцци всего лишь 36 драматических повестей.

Действительно, можно найти множество примеров схожих сюжетных ситуаций, произведений, созданных в разные эпохи и в разных странах. Сюжет — бесценный материал для писателя. Он может быть основой для ряда этических произведений. Например, бой отца с неузнаваемым сыном изображается в бытине об Илье Муромце (битва Ильи с Соловьином), в драматическом эпизоде («Гильдебрант» и Гаудбранд), в романе (Рустем и Сохраб). Сюжет «уче на свадьбе мены» мы встречаем в «Одиссее», в русской бытине о Дубине Нинитиче, его меме и Алее Поповиче, в турецкой сказке «Абине Керри», обработанной М. Ю. Березовиным.

Сюжетные сюжеты встречаются не только в народном творчестве, но и в произведениях профессиональной литературы. Классической сюжетной схемой считается так: «треугольник» (он — она — он). Сюжетный треугольник мы найдем в бесчисленном числе романов. Сюда войдут и «Госпожа Бовари» Флобера, и «Анна Каренина» Толстого, и другие. Не менее распространена и такая сюжетная ситуация: двое влюбленных на пути и счастье встречают сопротивление со стороны родителей или иные неблагоприятные обстоятельства, они гибнут (трагедия Ромео и Джульетты) или благодаря стечению счастливых обстоятельств с помощью сил или друзей соединяются браком (например, знаменитый «цирковник» Бомарше и др.).

Значит, в самом деле существуют «типичные» сюжеты. Но это не значит, что Гоцци знал их 36. Намек, пожалуй. Однако полюбите не читать больше, где рассказывают: «Шиндлер не мог трудиться, чтобы найти их больше, но не мог их считать и столько, сколько Гоцци».

В начале нашего века французский литератор Жан Поль Рихте опубликовал список «типичных» сюжетов, приведенных на 280 примерах. В нем так много установил точек 36.

Вот, например, как выглядел 20-й типовой сюжет: «Счастье — это мимолетное во мне идеаль».

Он имеет ряд подразделений: «мертва во

ним динного слова («Зрание Гоги», «мертва во мне веры», (например, во мне веры в искусство — «Творчество Зола»), «мертва своей любовью ради интерес государства или высшего долга» («Сиди Моринел»), «мертва своим благосостоянием во мне идеаль» («Воскресение» Толстого), «самопожертвование ради почтения и любви и родины» («Антитоня Софона»), «самопожертвование ради любимого существа» и т. п.

Шестой «типовой» положение называется «зломучение». Оно разделяется на три пункта: А. 1) испытать поражение; 2) гибель родины; 3) гибель человечества; 4) бедствие, вызванное природой; 5. Изверженный король;

В. 1) испытать неблагодарность; 2) испытать несведущую любовь; 3) испытать обиду.

Как видно, фактически Полти заимел классификацию различных сюжетных ситуаций, подгоняя их к своим общим принципам и самопожертвования, злопучение и прочее.

Возражая против теории Полти, французский писатель и критик Рене де Гурсон заметил, что 36 сюжетных положений можно свести, по сути дела, к четырем: «у человека, затоного ман центр, могут быть установленны отношения к самому себе, и другим людям, и другому полу, и неоднородности. Богу или природе». Всякое литературное произведение неизбежно входит в одну из этих четырех категорий.

В конечном итоге и эти четыре положения можно свести к одному, самому общему: литература есть отражение действительности. Действительность многолика и многообразна, о чем в ряде ее проявлений можно найти сходное и построенное своего рода схему. Любовь — одна из вечных тем искусства — в разных сюжетных произведениях изображается почти всеми писателями, начиная с Гомера. Ситуация «она и он», разумеется, верна во все времена и неизменяема. Но что дает нам это «открытие»? Равно как установление той створы, как истины, что существует добро и зло, любовь, самопожертвование, самопожертвование и т. д.

И тому же меняется и премие содержание ряда сюжетных ситуаций вместе с изменением человеческих взаимоотношений. Например, драматическая ситуация «изверженный король», достигшая трагического зрелища в «Король Лир» и в наше время воспринимается как жалнистая комедия в Нью-Йорке. Многие старе «схемы жизни» безнаденно устарели.

И в том же «схеме» существуют и «типичные» сюжеты существуют? Разумеется, они являются все на свете можно свести к схеме, что и делают предостерегают «реалистическое литературное творчество» в самом Полти. Получится ли 36 типов сюжетов или больше, знает только тот, кто знает в том, что богатство литературы, как богатство человеческого знания, мира, врад ли измерить, какана либо наперед заданным числом.

Г. ГУИН

МИНИАТУРА

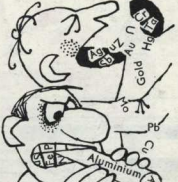
(Горь Грудя)

Спилили клен. Стою, как извясение. И в голове мыслится и мения. И измерю измерю расстояние От сердца попомогато. До дня...

ЗОЛОТЫЕ ДЕНЬКИ

(Владимир Савельи)

Золотые денки рывай место по мнею длагали. Милы ми, серебро и свинец почтал за хлам. Мы мезельными зубьями медные семени лузгали там, что стружка и пыль прилетали к латуным телам. Пили жидкую сталь, задал торжественно оловом, в тихом городе за оцинкованным сиди столом. А встречался теперь, наклонив чуждые головы, выдвиг севек плана грохочущий наш стихоло!

Рисунки О. ТЕСЛЕРА

Ге́нри БЮТТНЕР

Рисунок
Н. ЕЛИНСКОГО

Людей, любящих смешное, очень много. Поэтому не удивительно, что самые остроумные рисунки кочуют по страницам журналов и газет многих стран мира, а имена карикатуристов соперничают в популярности с именами кинозвезд.

Подпись под рисунками «Ге́нри Бю́ттнер» известна во многих странах. Родился Ге́нри Бю́ттнер около сорока лет назад в Виттенгерде — небольшом промышленном городке Германской Демократической Республики.

Работая художником в универсаме, он на свой страх и риск стал проповедать силы в карикатуре. Как и следовало ожидать, рисунки, которые он посылал в журналы, ему регулярно возвращали. Лишь в конце 1954 года к Ге́нри Бю́ттнеру пришла первый успех: он рассмешил редактора журнала, и рисунок напечатали.

Сейчас Ге́нри Бю́ттнер — постоянный комментатор человеческих слабостей и страстей в юмористическом журнале «Оддешнигелль» и, конечно, в многочисленных «серьезных» газетах и журналах.

Как у всех подлинных мастеров, у художника самобытная манера рисунка, которая и была замечена любителями юмора. Своих героев Ге́нри Бю́ттнер шадит. А, впрочем, иногда и сердится на них...

Мы с удовольствием представляем читателям рисунки нашего друга.

АВТОСТОП

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В № 12

Ложки и точки

Головоломка

Хитроумное заведение

Сложить прямоугольник так никому и не удалось

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок: Д 3-30-67; отдел очерка и публицистики — Д 3-31-03; международной связи — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-30-97; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 3-31-69; студенческой молодежи — Д 0-49-96; информации — Д 3-31-69; оформления — Д 0-29-39.

Главный редактор В. И. Самохин.

Редколлегия: К. К. Андреев, А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Е. А. Долматовский, К. Н. Замощкин, Р. Ф. Казакова, Б. П. Краевский [ответственный секретарь], А. С. Куликов, Е. И. Рабчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков.

Рукописи не возвращаются.

Оформление О. Безукова.

Технический редактор Н. Вудина.

А 02363. Подписано и печати 22/VI 1965 г.
Тираж 900 000. Изд. № 1368
Знака 1816. Формат бумаги 70 x 108/16,
2 бум. л. — 5,48 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24

НЕЗАМЕТНАЯ ДЕВЧОНКА

Слова В. ЛУГОВОГО

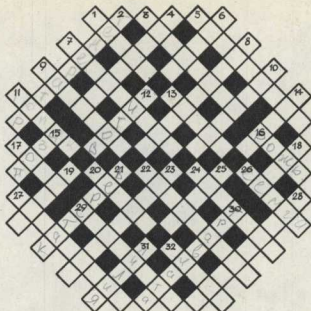
Музыка Э. КОЛМАНОВСКОГО

На окраине той,
где плетут во дворах радиолы,
где бушует свежесть
свежесть ливня ночного храни,—
было мне все равно,
что одна возвращалась из школы
незаметная девочка
на год моложе меня.

Руку юность дала,
позвала голосом вокзала,
никней дорогой летла,
из московского детства мая,—
было мне все равно,
что косыночкой вслед мне махала
незаметная девочка
на год моложе меня.

Я вернулся домой
под апрельское небо квартала.
Лад веселый из труб
на асфальт вылетает, звеня,—
я бреду сам не свой:
королевой окраины стала
незаметная девочка
на год моложе меня.

Что ж, скажу лишь одно:
наша улица мне маловата —
я хочу сто ветров,
сто дорог среди ночи и дня,
чтобы только всегда
чуть тревожно, светло и крылато
улыбалась мне спутница
на год моложе меня.

КРОССВОРД

Составил Л. ЗЕНИН

г. Кемерово.

1. Озеро в Армении. 2. Машина для преобразования различных видов энергии в электричество. 3. Небольшое электрическое стационарное. 4. Народный артист СССР. 5. Автор романа «Плавучая станция». 6. Курорт на побережье Черного моря. 7. Вид транспорта. 8. Один из героев романа В. Каварина «Два капитана». 9. Русский архитектор XVIII века. 10. Горизонтальная горная выработка. 11. Украинский народный танец. 12. Летчик-космонавт. 13. Денежная единица Чехословакии. 14. Оптическое стекло. 15. Химический элемент, газ. 16. Хлебное растение. 17. Порт в Ирландии. 18. Французский живописец XIX века. 19. Полотно для демонстрации кинофильмов. 20. Поэма М. Ю. Лермонтова. 21. Стол для ручной обработки дерева и металла. 22. Пьеса В. Шюц. 23. Центр текстильной промышленности Азербайджана. 24. Музыкальная драма Р. Вагнера. 25. Государство в Юго-Восточной Азии. 26. Лососевая рыба. 27. Персонаж «Педагогической поэмы» А. С. Мамакина. 28. Шахматный ход. 29. Альпинист. 30. Опера Д. Верди. 31. Водное растение, цветок. 32. Крупный порт в Японии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14

По горизонтали:

5. Соната. 6. Штанга. 9. Дарасун. 10. Маронко. 12. Стрел. 13. Чавинина. 14. Гимласт. 17. Ухала. 18. Баронко. 20. Салты. 21. Флагман. 22. Нахимов. 26. Падос. 28. Козерог. 29. Отдун. 33. Штурман. 34. Параллель. 35. Парус. 37. Маурина. 38. Торледа. 39. «Сусима». 40. Баркас.

По вертикали:

1. Гнесина. 2. Станс. 3. Штамп. 4. Алеронд. 5. Суриков. 7. Алхана. 8. Баритон. 9. Длаба. 11. Осиана. 13. Манаров. 16. Эвавтор. 18. Арнис. 20. Самбо. 23. Хаутун. 24. Гедерат. 25. Виреоз. 27. Образец. 30. Траверс. 31. Жанрир. 32. Фабрика. 33. Парма. 36. Страв.

ПЕРВАЯ
СТРАНИЦА
ОБЛОЖКИ:

Мастер
спорта
Елена ЗАХАРОВА

Фотогочери
о ней
см. на стр. 10—11.

Фото В. ТЮНКЕЛЯ

Подвижно

На ок - ра - и - не той, где по - мт во дво - рах ра - ди -
о - ам, где бу - шу - ет си - ре - ня, све - жесть ли - вня ноч -
но - го хра - на, бы - ло мне все рав - но, что од - на воз - вра -
ща - лась из шко - лы не - зя - мет - ная - я де -
в - оч - ка на год мо - ло - же ма - ня на
год мо - ло - же ма - ня на
ру - ку ю - ность да -

У

каждого из нас есть хобби, любимое занятие, которому мы посвящаем свободное время.

Огромная армия нумизматов, коллекционеров марок и спичечных наклеек со своими давно установившимися законами, любознательным, свято чтимыми традициями. В последние годы в нашей стране приобрел немало почитателей, особенно среди молодежи, еще один вид хобби — любительское автомобилестроение.

При автомотоклубах ДОСААФ, во многих вузах и на станциях юных техников созданы секции и кружки автомобилестроения. Сколько моделей, начиная с самых простых и кончая сложнейшими самоходными и с электрическим управлением, сделано в кружках и признано лучшим на выставках и конкурсах! Но мечта каждого автомобилестроителя — сконструировать и построить настоящий автомобиль, на котором можно поехать в дальнее путешествие. В общественных конструкторских бюро разработано много оригинальных автомобилей, и Комитет по делам изобретений и открытий выдал их создателям авторские свидетельства.

Любители строят, если можно так сказать, «карманные» автомобили, широко используя унифицированные детали мотоциклов, мотороллеров, мотоколясок. Но, несмотря на это, сборные автомобилички очень изящны, красивы, да и по техническим характеристикам часто не уступают заводским. С уверенностью можно сказать, что в обществе завтрашнего дня — малогабаритного, простого в управлении, неприхотливого в обслуживании, дешевого.

Сегодня мы публикуем снимки, сделанные в Москве во время смотр-конкурса самодельных автомобилей, в котором участвовало тридцать восемь машин самых разных конструкций. На главной площадке Выставки достижений народного хозяйства победителям были вручены почетные дипломы и ценные призы.

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820